

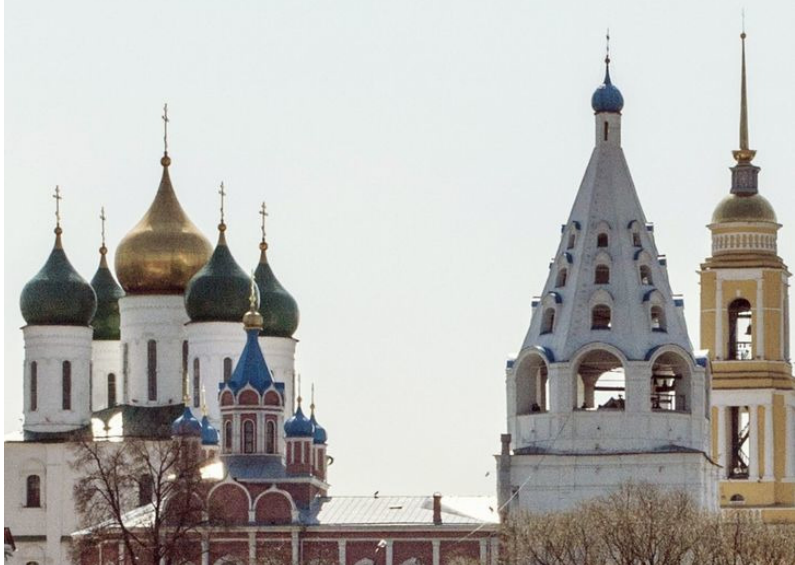
18+

Николай Бредихин
ЭВА

~

ВЕРГИЛИЙ

Коломенская диалогия

Николай Бредихин Эва ~ Вергилий. Коломенская диалогия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50760667
ISBN 9785449820990*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сто первый километр... Казалось бы, в двух шагах от столичного великолепия, а на поверку – типичная российская глубинка. Зарплаты в два-три раза ниже, качество жизни, особенно в области медицинского обслуживания, инфраструктуры, возможности трудоустройства, состоянии дорог – вообще не выдерживает никакой критики. Единственное светлое пятно – культура, ей-то как раз и посвящён «коломенский» цикл Николая Бредихина. Диалогия состоит из двух романов, уже опубликованных ранее: «Эва» и «Вергилий».

Содержание

ЭВА	5
Часть первая	5
Фанатка	5
Часть вторая	42
Эва и Мастер	42
3. Эва – Мастеру	43
4. Мастер – Эве	46
5. Эва – Мастеру	52
6. Мастер – Эве	57
Часть третья	67
Короткий роман	67
Часть четвёртая	80
Эва и Мастер	80
Изгой	80
7. Эва – Мастеру	81
8. Мастер – Эве	84
9. Эва – Мастеру	87
10. Мастер – Эве	88
Часть пятая	89
Стажёрка	89
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Эва ~ Вергилий

Коломенская диалогия

Николай Бредихин

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2022

ISBN 978-5-4498-2099-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭВА

Роман в рассказах и письмах

Часть первая

Фанатка

Натуралистический рассказ

Мастер

Что есть истина?

Ин. 18, 38

Ни слова правды,

Ни слова лжи.

Так

И пиши.

1

– Ого, мы опять вдвоём! – усмехнулась Алла, соседка Мальгина, взяв в руки меню. – Ну, с Диной всё ясно, в Минск на экскурсию укатила, а вот с Лилей что, опять в своём ре-

пертуаре? Странная вы всё-таки пара, Игорь Анатольевич, не обижайтесь, бога ради, на мою бесцеремонность. Жена вам рога наставляет с кем ни попадя, а вы прогуливаетесь по берегу озера как ни в чём не бывало, местными красотами любуетесь. Интересно, у вас и дома такие отношения? Свободная любовь? Мораль: не женитесь на молодых. Как хоть вас так угораздило вляпаться? Вроде на олигарха вы не похожи.

Мальгин не обиделся, а скорее удивился. Шёл уже третий день их знакомства, но всё это время Примадонна (так за глаза называли Нартову) с соседями по столу держалась обособленно, даже высокомерно, хоть и конфликтовала постоянно с персоналом. А тут вдруг прорвало. Однако отношения портить не хотелось, путёвка на две недели, зачем отдых раньше времени отравлять? Его явно провоцируют, и надо сдержаться, не поддаваться эмоциям. – Лиля мне не жена, – спокойно, как мог, ответил он. – Я, вообще-то, холост. Точнее, разведён.

– Вдвойне глупо, – пожала плечами Нартова. – Позволять так издеваться над собой любовнице!

– Она и не любовница.

Алла задумалась ненадолго, потом сдалась, запросила подсказку:

– Странно. Не жена, не любовница – кто же тогда?

– Фанатка.

– Фанатка? – Прима оживилась. – Ну, Игорь Анатольевич,

с вами не соскучишься. Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. Ладно, попробуем разгадать вашу головоломку. На футболиста, хоккеиста вы не похожи: возраст не тот. Певец, актёр какой-нибудь сериальный?

– Незачёт, промазали, просто писатель.

– Ах, просто писатель, – скривила губы Алла. – То есть и не писатель вовсе. Кропаете что-нибудь в Интернете?

– Нет, я уже три года как профессионал, хоть и малоизвестный. Издаюсь в Канаде. Мои основные читатели – русскоязычная диаспора в самых разных уголках мира. В России я и в самом деле всего лишь «кропатель-сетевик».

– Понятно, – вздохнула соседка и сосредоточилась на еде. Затем, чтобы не дать угаснуть разговору, перевела его на другую тему: – Не устаю удивляться, какие здесь продукты свежие! Ни дать ни взять, непонятно каким образом сохранившийся заповедник социализма. Хотя и на СССР не совсем похоже: дороги прекрасные, чистота идеальная, преступность практически на нуле. А главное, люди спокойные, доброжелательные. Чудеса, да и только! Один минус: живут бедно. Хотя, конечно, не было бы у нас, в России, нефти и газа, мы бы вообще погрязли в нищете.

Она немного помолчала, затем тряхнула головой. Чувствовалось, что работа мысли в ней ни на секунду не замирала.

– И всё-таки никак в толк не возьму. Фанатка... Объяснили, называется! Нельзя ли поподробнее?

У Игоря не было никакого желания заниматься просветительством. Тем более что человеку со стороны совершенно невозможно было разобраться в их с Лилей творческой кухне.

– Вы настолько любопытны? – спросил он в смутной надежде, что бессмысленный, пустой разговор, уже начинавший раздражать его, в итоге иссякнет. Но соседка явно неслучайно снизошла до жалкого «сетевика», сидевшего рядом: чувствовалось, что скука окончательно её достала.

– Нет, просто во всём люблю ясность.

– А, понятно. Тогда объясняю. – «Ладно, потерпим ещё немного, ликбез так ликбез», со злостью подумал Мальгин. – Практически у каждого из нас, «кропателей, широко известных в узких кругах», есть тот же набор, что и у больших, даже великих писателей: читательницы, которые иногда забредают на наши странички и заинтересовываются произведениями, размещёнными там. Поклонницы, которым нравятся наше творчество. Они читают и перечитывают, иногда по несколько раз, всё, что нами написано. Ну и фанатки – им куда больше важен факт известности, значительности их кумира. Особенно грешат этим поэтессы. Чем-то или кем-то нужно ведь вдохновляться, чтобы свои вирши на-гора выдавать. Вот они и придумывают разные виртуальные романы, засыпают нас посланиями с такими порой откровенными подробностями, что монитор от смущения краснеет. Причём таких «кумиров» у них может быть неограниченное количе-

ство, насколько души и времени хватает. Каждый раз, когда появляется очередная подобная гостья, я говорю себе: «Парень, у тебя проблема!» – и встаю в боевую стойку. Для меня всегда было неразрешимой загадкой: что влечёт ко мне этих девушек, женщин? Ведь большинство из них не имеет ни малейшего желания углубляться в моё творчество, ограничиваясь прочтением пары-тройки, в лучшем случае десятка моих произведений. Но однажды меня осенило: никто, в том числе и самые большие знаменитости, не застрахован от того, чтобы его выбрали духовным или душевным донором. Он просто не в состоянии такое запретить. Да и нужно ли запрещать? Всё, что я делаю в таких случаях, – бережно и уважительно стараюсь перевести отношения в нейтральные, ну или хотя бы в дружеские. Как правило, дальше следует неизбежный разрыв, и эти девушки, женщины переключаются на кого-нибудь другого. Я не знаю, по каким признакам Лиля выбрала меня. Скорее всего, из-за фотографии двадцатилетней давности, где ещё что-то сохранилось от моей прежней завлекательности. Слово за слово – решили мы с ней встретиться в реальной жизни. Опрометчивый, конечно, поступок. Но она была на грани: муж – пьяница, двое детей, маленький городишко в сибирской глуши, в стихах порой такая тоска изливалась, что дрожь пробирала. Я взял отпуск, купил две путёвки сюда, на озеро Нарочь, но уже в Москве, при встрече на Белорусском вокзале, Лиля испытала шок, когда увидела меня. Она меня представляла себе совсем другим.

Однако делать было нечего, не возвращаться же обратно? Я сразу обо всём догадался и, чтобы разрядить ситуацию, едва только поезд отошёл от платформы, объяснил своей несостоявшейся «подружке»: то, что мы будем жить в одном номере, равным счетом ничего не значит – она может строить свою личную жизнь по приезду в санаторий так, как ей заблагорассудится. Ну а дальше... вы и сами видели: дорвалась девочка до удовольствий, слетела с катушек.

– Ясно, – кивнула Нартова, на сей раз вполне удовлетворённая столь пространным объяснением.

Мальгин стиснул зубы. От спокойствия его не осталось и следа. Ах, гордость проклятая! Не удержался всё-таки! Понесло!

– Ясно? А вы сами? Сплошная загадка, между прочим. Бизнес-леди! Хо-хо! С нами, простыми смертными, да за одним столом? Это как понимать?

Алла, ещё ни о чём недобром не подозревая, кокетливо усмехнулась:

– Не отнять, Игорь, – вы догадливы! Предлагаете обмен – тайна на тайну? Что же конкретно вас во мне смущает?

Мальгин придирчиво оглядел свою собеседницу.

– Всё. Одежда модная, брендовая, хоть и неброская. Кожа ухоженная. Косметика дорогущая. Парфюм – вообще отдельная тема. О лечении тоже речь не идёт – ни одной процедуры не посетили. Какая уж тайна! Избитый сюжет!

Алла насторожилась, переменилась в лице. Глаза её

сверкнули. Только сейчас до неё дошло, что собеседник давно уже не шутит, а тем более не заигрывает с ней.

– Избитый? И в чём же? – холодно поинтересовалась она.

– Мадам желает забеременеть. Я в точку попал?

Еда была забыта, маски сброшены, в лице Примы проглянула с трудом сдерживаемая ярость.

– Ладно, допустим. Нельзя ли подробнее?

– А нужно ли? – в тон своей визави, так же холодно ответил Мальгин. – Я ведь просто «кропатель», Алла Дмитриевна, дорогая, вы не забыли? Не хотелось бы вас обижать. Как говорят в таких случаях: у каждого свои скелеты в шкафу. Зачем к чужому человеку без крайней надобности в душу лезть?

Нартова отложила вилку в сторону. Аппетит начисто пропал. Ярость переросла в гнев, она уже не сдерживалась.

– Вообще-то я не привыкла, чтобы со мной разговаривали в таком тоне.

– Вообще-то вы сами напросились. – Злость выветрилась, и теперь Игорь просто не знал, как ему достойно выйти из создавшегося положения. Не хотелось оставаться без ужина, в номере у него не было даже чайника. Разве что пересесть?

Он огляделся в поисках свободного места. Но почему-то никто не спешил их освобождать. Все пребывали в расслабленном, благодушном настроении после напряжённого «лечебного» дня. И всё-таки пора было убираться отсюда.

– Сидеть! – услышал он вдруг сдавленный властный голос,

как будто приказывали собаке.

«Э нет, переоценила ты себя, хозяйюшка, слишком слаб по-
водок».

– Ладно, – улыбнулся Игорь, стараясь выглядеть как можно добродушнее, – пойду-ка я в свой номер, пожалуй. Там у меня чаёк свежий заварен, по телевизору передачу интересную обещали. Да и Лилечка, зайнька моя, наверняка вернулась, заждалась меня.

Он встал, расшаркался, продолжая сиять лучезарной улыбкой:

– Счастливо оставаться! Приятного аппетита! До завтра!

Игорь и сам не мог понять, с какой стати он вдруг поддался эмоциям. Конечно, дать щелчок по носу высокомерной столичной барыне – святое дело, и тем не менее... Мог бы и сдержаться, ускользнуть от конфликта. Собственно, были два момента, которые его подвигли на обострение: то, что так нелепо получилось с Лилей и что его обозвали «кропате-лем». Но, в принципе, ведь не отнимешь, и в том, и в другом случае – что есть, то есть. Лиля, конечно, ни в чём не виновата, удивила её реакция. Ну, не понравился человек – и не понравился, но ведь не урод же? Игорь давно уже не пользовался феноменальным успехом у представительниц слабого пола, но и совсем без женщин тоже никогда не оставался. А «писателя может обидеть каждый». Мало, что ли, он в своей жизни пренебрежения да презрения вынес?

Мальгин поднялся на второй этаж к своему номеру – так, на всякий случай, ожидая обнаружить на двери табличку «Не беспокоить», как они с Лилей и договаривались. Но как ни странно, соседка-«фанатка» оказалась на месте.

Игорь постучал, а когда ему открыли, пробормотал смущённо:

– Забежал на всякий случай, хотел ноутбук взять.

– И зачем тебе его брать? Можешь в номере поработать, – зачастила в разговоре Лиля, тут же скрывшись в душе. – Меня в ресторан пригласили, я даже обедом, чтобы аппетит не перебивать, решила пожертвовать. Как у тебя дела?

– Да вот по глупости ухитрился сцепиться с Примадонной, – неохотно отозвался Игорь, – достала она меня всё-таки. Ты как, не будешь возражать, если я завтра попрошу администратора зала пересадить меня куда-нибудь подальше от вас?

– Нет, разумеется, – рассмеялась Лиля. – Меня от неё тоже давно тошнит.

Она вышла к Игорю и прошла перед ним в новом платье.

– Как тебе? Здесь, в Минске, купила. По-моему, идёт?

– Тебе всё идёт, – подластился Игорь. – Я, надеюсь, мы помирились?

Лиля сморщила носик.

– Да, собственно, мы и не ссорились. Просто судьба. Я такого мужичка встретила – крышу сносит. Конечно, пони-

маю: здесь, на отдыхе, все они холостые, влюбленными прикидываются, но мне всё равно. Хоть немножечко счастья отхвачу – до конца дней потом будет что вспомнить. Кстати, там женщина одна приглашала меня к себе, у неё место за столом должно освободиться. На тебя запала, расспрашивала: кто да что? Могу сосватать. И с местом не надо просить, чтобы пересадили. Зовут Лизонькой, сама из Калуги, разговорчивая, весёлая, характер наидобрейший. Может, и тебе счастье Боженька посылает?

Игорь пожал плечами:

– А что? Почему бы и нет?

Озеро было огромным, как море, даже противоположного берега не было видно. Сосны вокруг на много километров. Соответственно, воздух. Совсем не как дома. Игорь покопался в памяти, пытаюсь оживить в ней: когда же он отдыхал в последнее время? Вышло – лет пятнадцать тому назад.

– Ну и как Лилечка? Вернулась? Или у вас график? Уже через часок ваша зазноба появится? Ах да, я совсем забыла, ваш возраст! Какие уж тут зазнобы!

Мальгин угрюмо промолчал. Он понимал, что «липучка» теперь от него не отстанет, пока не добьётся своего. Спротивляться было бесполезно, разговор во всех случаях надо было доводить до конца.

Он поднялся со скамейки и не спеша пошёл по асфальтированной дорожке вдоль озера, не сомневаясь, что Прима

последует за ним.

– Ладно, – вздохнула та. – Поговорим серьёзно. Я задела вашу профессиональную гордость, приношу свои извинения. Так что, продолжим? Только, ради бога, обойдёмся без излишних словоизлияний. Вернёмся к той точке, в которую вы так удачно попали. Как догадались?

Игорь вздохнул, но выхода не было, как только говорить совершенно незнакомому человеку в лицо столь малоприятные вещи.

– Я же сказал: избитый сюжет. Не вы первая, не вы последняя. По молодости я много путешествовал и сталкивался с подобными вещами постоянно: кто-то из женщин приезжал душу с другими «мужчинками» отвести, свой надоед смертельно, а то и вообще сошёл с дистанции (моя Лилечка – как раз тому наиярчайший пример), другие – с девственностью расстаться, третьи, как вы, хотели забеременеть.

– И что, помогали, по мере сил и возможностей? – язвительно, с плохо скрытой ненавистью уточнила Нартова.

– Как вам сказать, – усмехнулся Мальгин горячности всё ещё «Примадонны», – это только со стороны кажется, что все мужики сволочи, самцы да козлы, а на самом деле... Ну кому, к примеру, нужна дорвавшаяся до свободы подстилка? Нет, желающие, конечно, найдутся, но порядочный мужчина даже не взглянет, мимо пройдёт – зачем грязь собирать? Девственность... Как метко выразился один мой приятель, работа трубочиста не каждому по нутру. Да ещё грех на ду-

шу брать! Не говоря уже о том, что коли крепость столь долго была неприступной, то там цемент, гранит, то есть удовольствия ноль, а намучаешься так, что легче даже не вагон, а целый состав разгрузить. А уж ребёнок на стороне – совсем идиотом надо быть, чтобы на такое решиться. И ответственность большая, и алименты могут припаять, да и в открытый космос без скафандра придётся выходить, а это весьма чревато: СПИД, гепатиты разные, ещё по мелочи много чего – к примеру, ВПЧ – вирус папилломы человека. Конечно, повторяю, среди нашего брата, мужчин, полно людей безалаберных, всеядных, но с ними-то как раз и не интересно. Я как-то на теплоходе девушку встретил, которая третий год ездила в поисках, кому бы самое дорогое, что у неё есть, подарить и ребёночка родить, да не тут-то было.

Игорь посерьёзшел.

– Ладно, вы просили «без лишних словоизлияний». Что тут можно сказать? Вам ведь под сорок, Алла Дмитриевна? Не поздно ли спохватились? Понимаю, так жизнь сложилась: наверняка из провинции, приехали Москву покорять, шли на всё, чтобы сначала сделать карьеру, затем деньжонок подзаработать. Фирма... Да тут не фирма наверняка – холдинг какой-нибудь, хватка у вас бульдожья, на мелочи вы, как я полагаю, не размениваетесь. В один прекрасный момент задумались: дальше что? Надо семью создавать. Подобрали мужичка, небогатого, но серьёзного, рабочую лошадку. Договор брачный так составили, что в случае развода остал-

ся бы мил дружок практически ни с чем. И всё бы хорошо, а ребёночка-то нет как нет. На второй год забеспокоились: кто виноват? Врачи – а обошли вы их, судя по всему, немало – в один голос принялись уверять: не беда, подлечим, поможем, в крайнем случае, передовые технологии подключим, всё-таки XXI век на дворе. Продували, промывали – ничего не помогло, а передовых технологий не хотелось. Выяснилось, что дело не в вас: мужёнок с дефектом оказался. Пришла мысль нагулять ребёнка на стороне. Но с кем? Сами беспородная, а империю-то свою на крутые мозги нужно оставить. Потом уж на любой вариант были согласны, да ни с кем всё равно не получалось. Мистика! Как заколдовал кто-то. Уж на этот раз в самую глушь забрались, но трёх дней хватило, чтобы понять: Его здесь нет, а с кем попало нечего и пытаться – было уже. Как, слушать ещё не надоело? Целый роман ведь вам рассказал. Так что, мы квиты? По нулям? Без обид?

Алла кивнула:

– Да, надоело. Пора по номерам расходиться.

Мальгин проворчал с облегчением:

– Ну вот, даже здесь мои романы никому не нужны.

2

Много ли человеку нужно для счастья? Всего лишь другой человек. И чтобы было с ним легко и комфортно. И говорить, говорить без усталости, вкладывая в каждое слово осо-

бый, лишь двоим понятный, тайный смысл. Никаких обязательств – ни перед самими собой, ни друг перед другом, просто немножечко, как у Лили, счастья на двоих. Ну и, конечно, надежда, крохотная, -как без неё? Что кто-то вдруг согласится разделить с ним его нелёгкую долю. Жена писателя – это сейчас почти как жена декабриста. Никаких плюсов, одни минусы.

Вот только зачем забираться в такие дебри? Что там было намечено? Отдохнуть в кои веки, ненадолго переключиться. Да и подлечиться: хоть и плохонький, а всё-таки санаторий. Можно считать, что программа полностью выполнена.

Что ещё? Творческий кризис? Нет его. Просто движение немного застопорилось. Три года назад, распрощавшись со всеми видами подработок, Мальгин как на крыльях летел. Что, пороху не хватило? Или возраст начинает сказываться? Эх, если бы знать! А пока можно и расслабиться. Старт с «декабристкой», во всяком случае, получился бешеный. «Спасибо тебе, Боженька, что не забываешь меня!»

– Привет, как дела? Ходила к врачу?

– Ходила, но не знаю, будет ли толк? Кашель пока никак не проходит. Лекарства новые выписали, продиктовать?

– Да, записываю. Сама не покупай, я посмотрю вкладыши в Интернете и, если есть смысл, куплю здесь настоящие, не подделку. Работу так и не нашла?

– Да нет, откуда?

– Вот чудеса! Даже уборщицы никому не нужны! И что делать собираешься?

– Подожду пока. Там видно будет.

– Как в моей квартирке, всё в порядке? Забегаешь иногда цветы поливать?

– Да, и ещё пыль гоняю. Ты-то как?

– Кошмар! Лечение никудышное, главврач – старуха, терапевт старой закалки, в кардиологии, соответственно, ни уха ни рыла не смыслит. Так, процедур набрал, хожу потихоньку. Бассейн каждый день, сосновым воздухом дышу. Со-скучился очень.

– Я тоже. Жду не дождусь.

– Наконец-то! Привет, Олежек! Никак не могу запомнить, в какую сторону переводить семь часов разницы между нашими поясами. Что скажешь? Какие новости?

– Ну, по девятой книге вёрстка практически завершена. На днях получишь её для правки. Шёл разговор о новом контракте. Боюсь, переметнуться не удастся: Алекс уже напоминал два раза. Что будем делать? Опять откажем немцам?

– Трудно сказать. Шило на мыло менять... Что нам даст перевод на немецкий? Практически ничего. А тут мы уже три года сотрудничаем, притёрлись друг к другу. Хотя, конечно, маркетинг у ребят совсем на нуле. И с раскруткой они явно не торопятся. Как там наш Даниэль?

– Нормально. В садике сейчас. Фотографии последние

ты, надеюсь, получил? Кстати, готовы результаты наисвежайшего УЗИ: внучка, па, поздравляю. Анжеликой решили назвать. Как ты, не возражаешь?

– Да, и такую новость ты напоследок берёг? До инфаркта старика своего хочешь довести? Но ложку дёгтя я всё-таки добавлю тебе: младшенького брата ты так и не догнал. Там, в Торонто, пополнение в семье опять намечается. Кстати, а Полина где?

– В университете, где же ей ещё быть? Грызёт науку.

– Хорошо, завтра в другое, более удобное, время свяжусь.

– Ну и техника у вас! Ноутбук совсем допотопный. Что, сынки папуле не могут планшет, хотя бы простенький, подарить? – с иронией поинтересовалась Алла. – Смотрю, и Wi-Fi нет в номере, приходится в холл спускаться.

Мальгин с досадой поморщился, затем повернулся к Нартовой и выключился из сети.

– Что делать, Wi-Fi здесь только в люксах. Сами же сказали: страна бедная.

– И смартфона нет. Подружке, смотрю, звонили по мобильному.

Игорь рассмеялся.

– Ну, подруга моя ещё круче меня будет, какой там смартфон, даже мобильник не признаёт, на домашний телефон звонить приходится.

– Сколько же ей лет, интересно? Сто? Двести?

Мальгин кивнул:

– Почти угадали. Год как на пенсии.

– Ясно. – Нартова скучаяще огляделась по сторонам. – А мне вот в номере сидеть надоело. Решила немножко прогуляться.

Игорь усмехнулся.

– Я смотрю, у вас тоже «душа болит о производстве», работа покоя не даёт?

Алла согласилась:

– Ничего не поделаешь, бизнес есть бизнес. На любом отдыхе хотя бы час нужно отрывать от «потехи», иначе можно, вернувшись, даже разбитого корыта, вместо наработанного да накатанного процесса, не застать. Кстати, я тут в Минск собралась прокатиться, на машине. Могу прихватить за компанию. Нет желания?

– Нет, – поспешил отказаться Игорь. – Ни желания, ни настроения.

– Заметно. Что-то, как вижу, не веселы вы сегодня, вещей Игорёк. Не удалось «отмстить неразумным хозарам»? Или там, у Александра Сергеевича, Олег «вещим» был?

Мальгин вздохнул:

– Да нет, устал просто. Бассейн, процедуры. Ничего, дома, в России, отдохну.

Нартова расхохоталась.

– Понятно. Вот вы мне в прошлый раз целый роман рассказали, а хотите – я вам сегодня совсем маленькую историй-

ку поведаю? Тоже сюжет, затёртый до дыр. Копал-копал тут один «кропатель», да такую бабёнку нарыл – с какой стороны ни посмотри, загляденье просто. Пару дней зажигал с ней так, что сосны вокруг тряслись, а потом вдруг пропала любимая, даже не попрощавшись перед отъездом. Такие они, женщины, сейчас: на редкость коварные существа. Сердце разбила кропателью-копателью и отчалила неизвестно куда.

Игорь помрачнел.

– Ясно. А я-то всю голову сломал. Ваша работа?

Алла невинно захлопала глазками:

– Да куда уж мне!

Переход был слишком стремительным, Игорь смешался, замолчал надолго, переваривая неожиданную информацию.

– Круто, очень круто, – пробормотал он наконец. – И подло. Ладно, пусть будет по-вашему. Извинения нужны? Пожалуйста, приношу. У меня не было желания в прошлый раз вас оскорблять, я просто отвечал на ваши вопросы.

Нартова сморщила лоб, затем хмыкнула.

– Как это вы... Сразу на попятный. Я думала – ещё копыя поломаем, опять гадостей друг другу наговорим, а вы моментально сдались. Неинтересно даже.

Мальгин пожал плечами:

– Что поделаешь, надо уметь проигрывать. В последнее время всё чаще приходится себе эту фразу повторять.

Алла смутилась.

– Да, собственно, впору мне самой извиняться. Погоря-

чилась я, пожалуй. Действительно, работа моя. Нашла я вашей бабушке санаторий не в пример нашей убогой обители: номер одноместный, лечение, условия совсем другие. Она и умотала. Просто мне обидно стало: разговаривали мы, разговаривали, а вы так легко переметнулись, мной пренебрегли. И ладно бы молодуха какая-нибудь, а то – как и подруга ваша, с которой вы в номере соседствуете: под пятьдесят, наверное! Что-то во мне не так? Секрет не откроете? Только честно, правду-матку, как в прошлый раз. Или, может, вы геронтофил?

Мальгин поразмышлял некоторое время, затем вздохнул:
– Хорошо, пусть будет по-вашему, но только одно условие: женщин моих, вне зависимости от их возраста, вы больше не трогаете. Я ведь тоже человек, зачем портить мне отдых?
– Нет проблем, – согласилась Нартова. – Итак, я вся внимание.

Игорь пожал плечами.

– Романа на сей раз не получится. Как и у вас – даже на рассказ сюжет не вытягивает. Тряпки, обувь вашу только женщины здесь готовы в лупу рассматривать. Для мужиков вы на вид – всего лишь офисная мымра. Вот только в фильмах они прихорашиваются, преображаются – и сразу под венец. В вашем случае превращения почему-то не произошло. Царевна лягушкой так и осталась. Вот Лизонька моя, хоть и в самом деле за пятьдесят, конфетка была. Толстушка, хохотушка, а уж до дела дойдёт – неугасимый огонь. Чего ещё,

спрашивается, нашему брату надо? Я ответил на ваш вопрос?

Алла, помрачнев, кивнула:

– В принципе, да, но кое-что с прошлого раза осталось. Тяжело тогда слушать было: столько я врачей, специалистов разных обошла, с какими только казанами доморощенными романов скоротечных ни крутила, а тут какой-то сморчок-старичок в пять минут все мои загадки решил. И что мне делать теперь? Согласиться на какого-нибудь суррогатного малыша-крепыша, а то и двоих или троих, как моя знаменитая тёзка? Или и дальше принца искать?

Мальгин вздохнул.

– Сложный вопрос. Одно из пяти моих образований – медицинское. Буквально, только не смейтесь – фельдшер-акушер. Так что хочу сразу предупредить: в вашем возрасте первый раз рожать – чистейшей воды безумие. Хотите конкретнее? Начинаю загибать пальцы. Мертворожденный младенец – раз, сами запросто можете коньки отбросить – два, во всех случаях бесследно для здоровья такой фокус не пройдет – три. Какие именно осложнения возможны, перечислять не стану: пусть сюрприз будет, так интереснее. На счёт других вариантов... Суррогат – он и есть суррогат, особенно не советую брать ребёнка из детдома. Там чудес точно не бывает. Генетика – наука серьёзная. Передовые технологии? Та же лотерея. Выход один – влюбиться, да так, чтобы башню снесло, и родить от любимого человека. Бог

всё устроить. Главное, что вы должны знать, — молодая девчонка может забеременеть от любого мужчины, а у зрелой женщины зачатие происходит не там, внизу, а здесь, — Мальгин постучал себя пальцем по лбу, — в голове. Поймёте, всё у вас как по волшебству сложится, не поймёте — и бизнес, и здоровье навсегда можете потерять. Но есть и другие проблемы. Сейчас вы хищница, с трудом, но держите империю свою в руках, ребёнок вас расслабит. Да и одно воспитание не поможет. Нужна порода. Вот как у кошек, собак. Хотите хищника? А есть уверенность, что собственный сын вам потом глотку не перегрызёт? Не хищника? А воспитание его кому доверите? И понравится ли ему в итоге хищница-мать? Со всех сторон конфликт. Вы с других пример не берите: не получится у кого-то актёрской или певческой династии — не трагедия, а вот у вас... Один неверный шаг, и все ваши усилия, страхи, жертвы на алтарь Молоха — всё псу под хвост улетит.

Нартова покусала губы в задумчивости.

— Что-то уж больно суровая картинка получается. Да и общие слова одни, нужны подробности. Как вы смотрите на то, чтобы нам помочь друг другу? Вы мне морально, я вам материально. Можете ко мне переселиться, не хотите — в соседнем, правительственном, санатории, куда вы на танцы ходите, для вас отдельный номер сниму. Можно и поближе к Минску, в какие-нибудь «Криницы», переехать. Там тоже и условия проживания, и лечение гораздо лучше, что, как

я понимаю, для вас отнюдь не безразлично. Докучать особо не стану, развлекайтесь, как и с кем угодно, просто скука здесь смертная, не помешал бы душевный разговор.

Мальгин ухмыльнулся:

– А какой смысл? Мы с Лилькой давно помирились. Работаем по графику, как вы в прошлый раз советовали. Кстати, она мне Лизоньку и сосватала. Так что и люкс без надобности. Да и рановато вы сдались, тут обновление чуть не каждый день происходит. Приезжают, уезжают люди, найдётся ваш принц, куда он денется? Ну а если всерьёз, ничего нового я вам не скажу: хоть до дыр простыни под собой изотрите, ничего не получится. Для начала вам нужно сердце расковать и «башню» перезагрузить.

– Сложный процесс, – Алла покачала головой. – Тем более что это, опять же, всего только слова. Хотелось бы, повторяю, больше конкретности. Вот вы сами, к примеру. У вас ведь проблем ничуть не меньше, чем у меня. Ищете человека по сердцу, а простой вещи не понимаете. Семья без денег не семья. Не пора ли перестать дурью маяться: забросить свою писанину, перейти куда-нибудь на хорошо оплачиваемую работу? Что, с трудоустройством проблемы? Могу помочь, мозги, надеюсь, не засорились ещё? Появятся деньги – появится и пара для совместной жизни. Хоть напоследок в счастье и любви поживёте. Что, я не права? Я вот тут с вашей лёгкой руки в Интернете немного полазила. Даже пару-тройку ваших вещей сподобилась почитать, но больше

всего меня поразила одна фраза, которую вы у Тургенева откопали: «Ничего не может быть легче, как влюбиться в себя какую угодно женщину: стоит только повторять ей десять дней сряду, что у неё в устах рай, а в очах блаженство и что остальные женщины перед ней пустые тряпки, и на одиннадцатый день она сама скажет, что у неё в устах рай и в очах блаженство, и полюбит вас». Вот слышала я такое выражение: «тургеновская девушка» – и предполагала в ней какой-то необычайный идеал, а здесь столкнулась вдруг с «тургеновской женщиной», и уважение к Ивану Сергеевичу у меня как ветром сдуло. Думать о нас так, как будто мы последние дуры? Это каким же идиотом надо быть? Классик, называется.

Мальгин с трудом удержался от зевка.

– Вот видите, как хорошо? Вы уже и в литературе, и в жизни разбираться стали. Главное – начать. Так что я вам совершенно не нужен, и без меня решите все свои проблемы. Удачи вам!

3

Лиля была вымотана бурно проведённой ночью, ей нестерпимо хотелось спать, и вместе с тем оставить без внимания поступок Игоря она никак не могла.

– Не понимаю. И что, ты так легко сдался? Уезжаешь на неделю раньше срока – и из-за кого? Какой-то жалкой бабёнки, страшной, старой, закомплексованной? Там, в Москве, у себя на фирме, спорить не стану, она, может

быть, и королева, но здесь — никто: и звать никак, и родом ниоткуда. По ней вообще психиатричка плачет — такие тараканищи в голове.

Мальгин вовсе не расположен был к обстоятельному разговору: времени было в обрез, да и настроение не самое подходящее.

— Лилёк, тут тема долгая, мы лучше спишемся. Просто я открыл для себя за последнюю неделю столько нового! Пришла пора перетряхнуть немного свою жизнь. А человек этот мне сильно мешает, отвлекает от важных мыслей. Да и пора подписывать новый договор с издательством, а я в полном раздрае.

Игорь мельком взглянул на Лилию и обнаружил, что та давно заснула под его «колыбельные рассуждения». Но, даже выйдя из номера и плетясь к автобусной остановке, он никак не мог остановиться в своих размышлениях. Кто он сейчас? Трус? Или, наоборот, человек, чудом избежавший смертельной опасности?

Мальгин до сих пор не мог понять, как так получилось, что он проснулся с Примадонной в одной постели? И та дурацкая записка, которую он ей оставил: «Генрих Манн „Дело чести“». Господи, кто сейчас знает, помнит такого писателя? И почему его, Игоря, столь поразил в своё время выход, который герой рассказа нашёл, не желая расставаться с жизнью на нелепой дуэли? Просто собрал вещи и уехал рано утром

в другой город. Как и он сейчас – сбежал.

4

Презентация закончилась, пора было ехать домой. Игорь вздохнул с облегчением. Рука совсем затекла, сколько же он дал сегодня автографов? Дела шли прекрасно и у всех его коллег. А ведь ещё год назад их команда была никому не известна.

– Игорь Анатольевич, вы уже уходите? – раздался вдруг позади голос.

Мальгин машинально потянулся было за авторучкой, но тут же убрал её. Примадонна! Ну как же, давно не виделись! Игорь вспомнил унылый берег озера Нарочь, санаторий, в котором он так неудачно поселился.

– Да, – кивнул он, – пора. Надо спешить на электричку. Как ваши дела, Алла Дмитриевна? Всё нормально?

Алла усмехнулась.

– Вполне. Что у меня может случиться? А вы, как я погляжу, процветаете?

– Я бы не сказал, – вздохнул Игорь. – Но, кажется, что-то начало получаться. Нас заметили, читают, и довольно активно. Ну а по сути – я всё тот же «кропатель-сетевик».

– Скромничаете, Игорь Анатольевич, – с ехидцей показала головой Алла. – Даже я наслышана о ваших подвигах. Кстати, я как раз еду в вашу сторону, в Коломну, могу подбросить.

По прошлому опыту Мальгин понимал, что «липучка» от него не отстанет. Хотя и почти три года прошло с их встречи, но эпизод был яркий, прочно отпечатался в памяти. И лучше всего было не отбрыкиваться, а сделать хорошую мину при плохой игре.

– Повезло мне, ничего не скажешь. Конечно, Алла Дмитриевна, буду очень признателен. Ребята что-то меня потеряли. Сюда привезли, а обратно – забыли.

Они вышли из помещения «Библио-Глобуса», самого большого из книжных магазинов Москвы, дошли до парковки. Opel Astra. Куда, интересно, делся прежний Land Rover?

– Джип продала, – усмехнулась, читая мысли Игоря Прима, – в моём новом положении надо быть скромнее.

– Что, разорились? – без тени насмешки, исключительно из вежливости, поинтересовался Мальгин.

– Сейчас покажу, – проговорила Алла всё с той же загадочной усмешкой на лице.

Она открыла заднюю дверцу, и Игорь увидел там очаровательного карапуза в автосиденье. Рядом обосновалась няня, пожилая женщина с безразличным выражением на лице.

Игорь сел впереди, пристегнулся.

– Едем на дачу, побудем там, как обычно, в выходные. Долго выбирала, но лучше вашей Коломны так ничего и не нашла. На берегу Оки, меньше, чем в двух километрах от вашего дома. Как вам, кстати, мой сюрприз?

– Прелестный мальчишка! – Игорю даже не надо было

притворяться. – Не дёрванный, любознательный, и уже чувствуется воспитание. Чужого дядю не испугался и в то же время не навязывает внимание. А у вас, смотрю, появилось время для личной жизни? Выходные, дача, раньше такое и представить себе было невозможно.

– Следую твоим советам, – неожиданно перешла на «ты» и переменяла тон Нартова. – Работать продолжаю, хотя прежний бизнес продала, как только почувствовала, что беременна. Но и батрачить ни на кого не захотела – моё кредо. Сейчас совсем в другой сфере заправляю. Много занимаюсь инвестициями, ну а в основном переключилась на медицинское оборудование.

– Как муж?

– Обьелся груш. Ты прости, Игорёк, как же ты дитятко-то своё не узнал? Вроде как голос крови, сердечко должно было ёкнуть. Знаешь, я долго ждала нашей встречи. Сразу оговорюсь: никаких претензий к тебе – наоборот, миллион благодарностей. Разумеется, сначала я была просто ошеломлена. Никак не ожидала, что в своём возрасте ты на такие вещи ещё способен, ну а чтобы вот так сразу, с одного выстрела – да такого очаровашку замесить... Тут только чудо, по-другому никак не объяснишь.

Игорь ошеломлённо молчал, только молил судьбу: «Чушь какая-то! Господи, сделай так, чтобы это была всего лишь шутка!».

Снова прочитаны мысли. Его, как видно, понимали теперь

без слов.

– Нет, не шутка. Не надейся.

Мальгин устал после презентации, переговоров с оптовиками. В электричке он непременно сел бы сейчас к окошку и вволю подремал. Скоростные поезда он не мог себе позволить, ездил на прежних, тихоходных, чтобы за проезд поменьше платить. А тут вот попал в клетку. Какие-то объяснения, выяснения отношений, когда это было?

– Ладно, давай ближе к делу. – Нартова поняла его состояние и решила не терять времени даром.

Мальгин оглянулся на няню в последней надежде, что не станет Примадонна объясняться при чужом человеке. Но чтение мыслей продолжалось.

– Ничего страшного, Вера Алексеевна нам не помешает. Я достаточно хорошо ей плачу. Просто я в последнее время потеряла тебя из виду. Ну, знаешь, когда-то в моём распоряжении была целая служба безопасности, сейчас всё гораздо скромнее. Но, как я думаю, ты по-прежнему одинок, поскольку никаких гонораров до сих пор не получаешь, а подрабатывать в твоём положении сейчас, когда приходится выстреливать книгу за книгой, было бы смерти подобно. Я имею в виду, творческой смерти.

Да, первый сюрприз. Долго человек готовился, было время. Продумал каждый ход, слово, ну а вот он застигнут врасплох. Что ж, экзекуция так экзекуция.

– Понятно, – пробормотал Игорь, – мой так называемый

«успех» – твоя работа? Подло, очень подло.

– Кто бы говорил, – мрачно усмехнулась Прима. – Ты знаешь, у меня не было бы к тебе никаких претензий, правда, я бы тебе всё простила, если бы не одна маленькая деталь: твоя записка. «Генрих Манн „Дело чести“». Сейчас с твоей стороны дело чести – сделать так, чтобы у твоего сына, Ванечки, был отец, его отец. И ему наплевать на нашу разницу в возрасте и на все твои принципы, какие-то мифические обязательства перед господом богом. Ещё ему очень сестрёнка не помешала бы. А что ты мне написал? О каком-то слизняке, который испугался дуэли, чтобы шкуру свою сбереечь? Ну вот уехал бы ты сам, как все порядочные люди: попрощался, в щёчку поцеловал. Или вообще, просто смотался, без всяких объяснений. Ты на что рассчитывал? Что я прощу тебе это унижение? Да я с первых же дней начала выстраивать планы мести. Какое твоё самое уязвимое место, ахиллсова пята? Тут и искать не надо, ты весь как на ладони. Творчество. Вот я и решила по нему ударить. Да так, чтобы ни к чему придаться нельзя было, внешне всё выглядело как верх благодетства.

Мальгин лениво огляделся по сторонам. Пробки, проклятые пробки. Вечер пятницы, «лучшего» времени для поездки за город не придумаешь.

– Пробки, да, пробки! Я, конечно, завтра с утра пораньше предпочла бы выехать, – кивнула Нартова. Мальгин уже не удивлялся эффекту телепатии, как-то само собой уста-

новившемся между ними. Интересно, надолго ли? Не дай бог – навсегда. – Но хотелось посмотреть, как ты хвост распускать будешь. Потешить своё самолюбие. Уж прости. Сама я тебя до сих пор толком так и не читала, но заказала все твои книги, изданные в Канаде, даже наняла специалиста, поскольку простой читатель в таких вопросах не арбитр. Надо сказать, тот очень удивился, что с таким солидным багажом и сложившимся профессионализмом ты до сих пор никому в России не известен. Так и написал в заключении своего многостраничного отзыва (внутренняя рецензия, так у вас это, кажется, называется): «Не классик, конечно, но, несомненно, профи». Что оставалось дальше мне, не одну собаку съевшую в бизнесе? Тем более что у тебя же самого я вычитала рецепт: «Творчество – такой же бизнес, как и все остальные. Пока вы кропаете (малюете, ваяете) что-нибудь для себя, это ваше личное дело, но если вы хотите вынести свою рукопись (картину, скульптуру) на суд читателей (ценителей, знатоков), то она становится обыкновенным товаром. И уж тогда не зевайте – пусть люди смеются над вами, наживаются на вас – сколько угодно, только не дайте им себя обмануть».

Какие ещё были проблемы? Найти идущее ко дну издательство, заинтересованное в новом, крепком авторе? Подобрала без труда, с помощью того же консультанта. Не стала заниматься благотворительностью, спонсорством, предпочла инвестирование, весь риск пообещав взять на себя.

Так и появился писатель Игорь Мальгин. Что называется, ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Или, если цитировать классиков, сбылась мечта идиота. Ну и как наш идиот – счастлив? – Вполне, – спокойно ответил Игорь.

«Господи, – подумал он, – а ведь права была Лилька: действительно, бабёшка-то наша явно не в себе. Не тараканы даже в голове, а настоящие тараканищи. И что мне остаётся? Только изображать из себя совершенно раздавленного, убитого горем человека?»

– Да, страшна женщина в мести. Подло, на редкость подло. И что теперь? Мы по нулям или и дальше мстить собираешься?

– Собираюсь, – кивнула Алла, – всё начатое надо доводить до конца, так меня жизнь приучила. Вываляю в дёгте с ног до головы. И смерть не спасёт. Права ты сдуру сразу на десять лет продал. Так что, считай, теперь моё издательство тебя похоронило. Больше ни одной странички твоей не издадут. Все книги, которые ещё не распроданы, выкуплю и уничтожу. А знаешь, что такое негласный «межиздательский чёрный список»? В курсе, конечно, ты ведь и в самом деле профи у нас. Так вот, считай, что ты внесён туда на века вечные. Может, на Канаду надеешься? И там тебя достану, акции у твоих благодетелей выкуплю. Дошло, наконец? А теперь пошёл вон из моей машины! Сам в свою вонючую берлогу как-нибудь доберёшься.

Поспать в электричке Мальгину так и не удалось. Трудно было поверить в такой вариант развития событий, но можно было и к гадалке не ходить: всё сбудется, как ему только что предсказывали. Был такой писатель Игорь Мальгин, и не стало его. Выдают с позором не только из Союза писателей, но даже с ведущих литературных сайтов. Действительно, страшна женщина в мести. Пусть даже повод к ней не стоит выеденного яйца. И нет у Примы в голове никаких тараканов, один холодный, убийственный расчёт. В данном случае он сам – клиника, а она – норма. Просто человек опустился до пещерного уровня, как и многие другие сейчас вокруг. Все дела люди привыкают, да привыкли уже, решать дубиной. Причём уродина эта, как ни странно, равнодушна к нему. Но по-своему, по-пещерному. Игорь с содроганием вспомнил их «ночь любви» в санатории. Не просто бревно, вообще ноль.

Больше всего было жаль, естественно, мальчишку. Он-то в чём виноват? Но отравит заботливая мамаша ему не только детство – потухнут быстро смышлённые глазки – а всю жизнь. Такие дети вырастают обычно покорными, инфантильными и либо холостяками навсегда так и остаются, либо сразу попадают первой встречной-поперечной хищнице, не травояды, а отравоядной, под каблук. Но и это не всё. Жизнь семейная, если состоится, быстро превратится в ад. Как в том анекдоте: тёща – всего лишь комедия, вот свекровь – трагедия.

Ладно, раз так сложилось, что он может сделать? Ни-че-го. Хотя нечего и бояться. Здесь, в России, его всё равно не издают, а до Канады дотянуться – руки короткие, хоть ты Мадонна-Примадонна!

Наутро Игорь понял: нельзя сдаваться. Мальчонку нужно спасать. Конечно, полное враньё, что речь идёт именно о его «продукции». Был конь, да уездили. Однако пацан не должен страдать. Мальгин сам вырос безотцовщиной, но чудом спас себя, вывернулся и сыновей своих уберёг от этого комплекса. Снохи, дети, внуки, все на редкость дружно живут.

Номера телефона у него не было, но тот район, который Алла назвала, он знал досконально. Что оставалось? Доехать на трамвае, спросить конкретное расположение участка у председателя садового товарищества. Через пару часов, подтянутый, свежевыбритый, он уже стоял у ворот двухэтажного особняка с высоким забором.

Удивилась, не удивилась? Не ожидала, конечно, но виду не подала. Что-то хотела сказать презрительное, насмешливое, но Мальгин упреждающе выставил вперёд ладонь.

– Стоп! Может, перезагрузим наши отношения? И начнём выстраивать их заново, по-человечески? Жениться? А что, я не против. Сестрёнку замесить? Ну, если Боженька подсобит, почему бы и нет? Встретишь человека помоложе, по сердцу, разведёмся, как-нибудь переживу. Главное, чтоб дети одни не остались. Ну а если дело нормально пойдёт,

слетаем через года два-три в Канаду, познакомим наших ребятшек с их братиками и сестрёнками в Торонто и Монреале. Выделять я никого не стану, права на мои книги будут принадлежать всем в равных долях.

Алла всё-таки не удержалась от усмешки.

– Что, испугался? Ладно, не трясись, живи, как жил, отпускаю. Зачем тебя насильно впрягать? Главное, что пришёл, извинился. А повинную голову, как известно, меч не сечёт. Ну а пока будь, как дома. Сколько же можно пахать без продыха? Я до сих пор в себя от счастья не могу прийти, что появилась возможность вот так отдохнуть с ребёнком, на пляж пойти искупаться, нормальным, не московским, воздухом подышать. Там, у себя, в провинции, зубрила до посинения, чтобы на золотую медаль выйти, потом в институте параллельно сразу устроилась бухгалтером в одну фирму, ещё шила платья модницам, вроде неплохо получалось, так что родители за мою учёбу ни копейки не платили, всего одна, вот этими ручонками да мозгами, добилась.

Игорь и сам был рад возможности хоть немного расслабиться. Особнячок был что надо, даже мебель вся шведская, известной фирмы. Сын потихоньку привыкал к отцу. Ночь посвятили «строганию сестрёнки». Идиллия!

Перед тем, как уезжать, Алла выдала Мальгину резюме:

– Я вполне серьёзно насчёт обнуления. Злость прошла. Ну а если и в самом деле надумал, свадьба в Москве, скромненько, без размаха, но совсем обойтись без неё нельзя, колле-

ги не поймут, да и мне самой хотелось бы в белом платице покрасоваться. В будни будем жить врозь, в выходные семья должна быть в полном сборе. Праздники, отпуска, турпоездки – нужно детям мир показать, да и сама я нигде не была ещё. Я понимаю – одичала я, да и характер у меня не сахарный, но буду стараться, ты только в душе не таи, режь, как обычно, правду-матку. Скайп, телефон ежедневно. И ещё – постарайся чаще бывать здесь, тут тебе все условия для работы, да и мне будет спокойнее. А на пенсию выйдешь – занимайся сколько хочешь своей литературой. Я уже поняла: если хорошие деньги в тебя закачать, с лихвой затраты вернутся.

Дома, придя в себя, Мальгин приуныл. Он и предположить не мог, что так тяжело ему будет обязанности раба домашнего исполнять. И станет ли птичка дальше петь, уже в клетке? Ночь особенно выбила его из колеи. Не просто нелюбимая женщина рядом, а настоящая жаба. Одна его знакомая так прямо про свою семейную жизнь и говорила: «Вроде живём душа в душу, а как спать ложиться, будто серпом по одному месту».

Стерпится-слюбится... Зачем обманывать себя? И не стерпится, и не слобится. Никогда. Скрыть такое невозможно. Что дальше? Ревность, злость, жизнь в ошейнике, на поводке. Зачем ему это? Конечно, порыв благородный насчёт якобы сына, но не слишком ли тяжёлую ношу он соби-

рается на себя взвалить?

«Дело чести»... Господи, сколько лет он по краю пропасти ходил: и телефон постоянно прослушивался, и за границу ни-ни, привод за приводом в компетентные органы. Мордовия с её лагерями – так просто обрыдалась по нему. Но балансировал как-то, уходил от беды. И что же? Один только раз гордость разыграла, а загубила дело всей его жизни?

А может, и вправду, как только пенсия подоспеет, не спешить уходить с работы, ну а выпрут – в сторожа или дворники податься? Появятся денежки, устроится худо-бедно личная жизнь. Или опять дело чести? Ничего ведь не осталось больше, кроме неё, за душой. Разве что та девчонка, которая захаживает иногда к нему, в глазки заглядывает?

Игорь открыл злополучный файл в компьютере и скривился, как от зубной боли. «Эва»... Сколько раз уже он подступался к этому замыслу и с побитым видом, как шелудивый пёс, прочь уползал? Ну кто сейчас станет читать «роман в письмах»? «Убитый» жанр. Да и потом, Бальзак ещё куда ни шло, а вот любовь всей жизни именитого Оноре – польскую аристократку Эвелину Ганскую – кто-нибудь знает, помнит сейчас?

Студентку филологического факультета МГУ посылают на год по обмену во Францию, аж в самую Сорбонну. Она на седьмом небе от счастья, так хочется им поделиться,

но с кем? Конечно, с любимым, пусть практически никому не известным, «кропателем-сетевиком». Так появляется Эва (ник). Кстати, у Ганской тоже вначале был никнейм – «Чужестранка».

Разумеется, никто такую вещь не издаст, разве что всё в том же благословенном Квебеке, и даже на литературных порталах читать не станут. Но, как бы то ни было, выход, пусть временный, найден. Боженька, спасибо тебе!

Часть вторая

Эва и Мастер

Эпистолярный

Старушка

Шутка

Шёл я утром
Босиком,
Вдруг старушка
За углом.
По башке мне топором —
И бормочет:
«Он, не он?
Нет, опять не Родион!»

* * *

3. Эва – Мастеру

Париж

Я долго думала, повторить ли мне первую попытку. Не скрою, было очень обидно, что она закончилась неудачей. Мой восторг, признания – всё оказалось безжалостно перечёркнуто предельно вежливым, быстрым и точным ответом, который, однако, не оставлял никаких надежд на продолжение нашей переписки.

Действительно, кто я? Уж понятно: не ясновельможная польская пани, сказочно богатая, невероятно красивая. Что вообще во мне может представлять для Вас интерес? Ни жизненного опыта, ни эрудиции, ни уж тем более женской привлекательности. Обыкновенная начинающая «филологиня». Но Ваш рассказ... Последний. И в самом деле последний? Сколько времени Вы уже ничего не публиковали? Полгода? Или я что-нибудь пропустила?

Боюсь показаться навязчивой, но хочу задать вопрос, который Вам и без меня сотни раз уже задавали: «Фанатка» – выдумка или в ней описаны действительные события? Смущает вообще Ваша манера письма: «всё на продажу» (я даже специально пересмотрела фильм Анджея Вайды с таким названием) – предельная документальность и даже автобиографичность, где только возможно, но здесь Вы определённо

себя превзошли.

Реакция соответственная. Вас вообще не балуют из-за Вашего несносного характера, но никогда я не встречала в комментариях на Ваши произведения столько яда. Собственно, чему удивляться? Вы вдруг предстали во всей наготе – зрелище получилось не из приятных. Не понимаю, как Вы могли на такое решиться? Раньше Вы были общепризнанным кумиром женщин. Не боитесь, что растеряли сейчас половину своих поклонниц?

«Или опять дело чести? Ничего ведь не осталось больше, кроме неё, за душой. Разве что та девчонка, которая захаживает иногда к нему, в глазки заглядывает?»

Когда я пробежала взглядом эту фразу, сердце моё обожгло горячей волной. «Неужели?» – робко подумала я тогда. Ну а уж после того, как с сюжетом романа познакомилась («Студентку филологического факультета МГУ посылают на год по обмену во Францию, аж в самую Сорбонну. Она на седьмом небе от счастья, так хочется им поделиться, но с кем? Конечно, с любимым, пусть практически никому не известным, «кропателем-сетевиком»), во мне созрела твёрдая уверенность, что теперь мы связаны с Вами навеки и Вам без меня Ваш новый замысел никак не воплотить.

Теперь ближе к делу. Вы, надеюсь, помните, о чём я Вас просила в том памятном первом своём послании? Мой преподаватель предложил тем из нас, кто пожелает, в качестве курсовой работы написать исследование о нескольких са-

мых крупных и значительных литературных порталах Интернета. То есть сначала сделать общий обзор (первая глава), а затем подробно охарактеризовать творчество кого-нибудь из наиболее ярких, на наш взгляд, представителей этого загадочного, мало известного даже в сугубо литературных кругах мира, выбрав для этой цели поэта, эссеиста или беллетриста по принципу крохотного ПЕН-клуба (Poet, Essayist, Novelist). Я выпросила себе прозу и без долгих раздумий выбрала для уже не обзорной, а конкретной второй главы Вас – моего самого любимого, но совершенно не читаемого и не издаваемого в России романиста-сетевика.

Как это обычно принято, начала я с того, что основательно прошла по Вашей биографии, затем сбила все Ваши книги, что мне никак не удалось сделать в России, поскольку они издаются в Квебеке. И теперь, вкупе с рецензиями и комментариями Ваших многочисленных читателей и поклонников в Рунете, я имею полную возможность заняться доскональным разбором Вашего творчества. Однако что такое курсовая работа? Всего только 20—25 страниц текста, из которых конкретно Вам будет посвящена лишь половина. Я, конечно, без труда напишу её, но как втиснуть в 10—15 страниц дюжину одних только Ваших романов в самых разных жанрах, начиная от любовного и кончая нон-фикшн, не говоря уже о повестях, рассказах, многочисленных эссе? И что я почерпну в итоге лично для себя? Поэтому я решила параллельно поучаствовать в написании задуман-

ного Вами романа «Эва».

Я не могла поступить иначе. Тем более сейчас, когда у меня появился «золотой ключик»: рассказ «Фанатка», поразивший меня в самое сердце. Я выбрала из комментариев к нему с десятков вопросов, которые глубоко затронули не только Ваших читателей, но и меня лично. Надеюсь получить на них обстоятельные, буквально по полочкам разложенные ответы, а не те отписки, которыми Вы обычно так любите отделываться. Ну что, поработаем?

Эва

4. Мастер – Эве

Коломна

Да, мой русско-французский ангел, интуиция не подвела Вас, работа над новым романом, о сюжете которого я кратко поведал в своём последнем (тоже надеюсь, по времени) рассказе, действительно началась.

Если честно, у меня и в проектах не было, что я когда-нибудь возьмусь воплощать этот самый свежий и сырой из своих замыслов. И сюжетов других пчелиный улей, да и кому вообще может быть интересен по нынешним меркам роман в письмах? Воистину совершенно «убитый» жанр. Кто станет читать, а тем более решится издать его? А уж если вспомнить о великих образчиках прошлого: переписке Оноре де

Бальзака и Эвелины Ганской, «Опасных связях» Шодерло де Лакло, «Письмах португальской монахини», «Бедных людях» Фёдора Достоевского – опозориться лишний раз? И тем не менее... Я вспоминаю, какое потрясение испытал, держа в руках письмо аж из самого Парижа. С красивыми марками, тонким запахом каких-то необыкновенных духов и подписью: «Парижанка». Какой контраст с электронными посланиями, которые я получаю ежедневно десятками. Так возник замысел, он просто не мог не появиться. Бальзак – мой бог, а его роман с Эвелиной Ганской я часто анализирую в своём сознании, но так и не могу понять до конца. Соблазн сделать ещё одну, на сей раз куда более основательную, попытку был слишком велик.

Что я хотел сказать сейчас своим витиеватым изложением? Всего лишь обрисовал процесс рождения замысла очередного произведения в воображении писателя, как раз до того момента, когда, как у А. С. Пушкина в стихотворении «Осень», «и мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы лёгкие навстречу им бегут...»

«... Всё оказалось безжалостно перечёркнуто предельно вежливым, быстрым и точным ответом...»

Не обижайтесь, что я сейчас не просто многословен, а даже болтлив. Сами так захотели.

«Действительно, кто я?»

Я пропускаю Ваш столь самокритичный автопортрет, так как не нахожу в нём ничего, кроме чистейшей воды женского

кокетства.

Но вот рассказ – тут парой вежливых фраз не отделаешься.

Тем более с учётом списка тех «обстоятельных» и неотложных вопросов, которые Вы мне задали.

Да, я и в самом деле уже несколько месяцев не выкладываю ничего нового из своих произведений в Интернете. Просто нет времени. Чем занят? В основном привожу в порядок своё творческое наследие.

«... Предельная документальность и даже автобиографичность...»

В данном случае Вы показали себя образцом деликатности. Один профи, которого я очень уважаю, без эвфемизмов после публикации «Фанатки» обозвал меня «самоедом». Сначала я обиделся на него, а затем сделал для себя неожиданное открытие: оказывается, я всю жизнь пишу исключительно о себе и для себя. Что делать? Так сложилась моя творческая то ли прямая, то ли кривая. Когда у писателя нет в достатке читателей, он должен либо прекратить графоманить, либо копаться в своей личности до самозабвения. Я выбрал второе.

«Фанатка» – выдумка или в ней описаны реальные события?»

Нескромный вопрос. Такой же, как: «А был ли мальчик?». Любой писатель всегда использует в своих произведениях какие-то эпизоды, выжимки из личной жизни, но вот чтобы

«всё на продажу», я так понимаю, извините за грубость, – это уж когда писать (снимать) человеку творческому совсем нечего, ему не остаётся ничего другого, как только раздеться догола и показать читателю (зрителю) свой пупок. Именно так, по моему пониманию, обстояло дело и с Анджеем Вайдой.

Однако вернёмся лучше к сюжету. Он долго не выстраивался, до тех пор пока я не решил написать его в какой-нибудь совершенно необычной манере. Лучше всего для этой цели подошёл стиль «натурализм». Отсюда и нарочитый, быть может, даже совершенно излишний физиологизм в повествовании.

«Реакция соответственная...»

Да, Вы всё верно подметили: и насчёт «наготы», и, в особенности, относительно «яда». Героиня почему-то всех обаяла (впрочем, по-видимому, таков общий удел всех ярких отрицательных персонажей в наше время), продолжает и дальше восхищать, а вот меня самого клянут, как только могут. Самое популярное слово в рецензиях – «предательство».

«Кажется надуманной сама ситуация, неужели и в самом деле потребовалось столько усилий приложить, чтобы элементарно такой надменной и роскошной богачке забеременеть?»

Типично мужской взгляд. Узнаю. Однако в жизни всё гораздо сложнее. Начнём с того, что большинство женщин тер-

пит замужество либо смирилось с одиночеством. Но есть и такие, которые от отчаяния решаются на нестандартные поступки. Я назвал свой рассказ натуралистическим, но на самом деле в данном случае он не ниже реализма, а выше его на структурной литературной лесенке. Реализм рисует типичное, тем самым человека стандартизируя, подгоняя под общепринятый, привычный для восприятия, шаблон, я же в последнее время всё больше тяготею к индивидуальному, нехарактерному.

«Герой безнравственен, меняет женщин, как перчатки, не удосуживаясь заглянуть вглубь, ограничивается лишь физической близостью, что, по всей вероятности, опять же автобиографично?»

Что я могу сказать в ответ? Физиологическую необходимость (я имею в виду именно необходимость, а не потребность) никто не отменял, есть люди, которые подвластны ей до глубокой старости, но она, конечно же, тут я, безусловно, соглашусь с Вами, духовной и душевной близости не заменяет и не затмевает.

«Демонизированная, чуть ли не на грани патологии, Алла».

На редкость удачное, жаль, что не моё, а выловленное Вами из комментариев, определение.

Не знаю, как Вы, но я встречал немало женщин, обуреваемых злобой, ненавистью, ревностью в отношении самых разных (в том числе и «своих») мужчин. К счастью, не у всех

у них было в наличии достаточно сил и средств, чтобы воплотить свои эмоции и чувства в реальность. А вот у Аллы есть всё, не говоря уже о том, что она ко всему прочему ещё и бизнес-леди. У меня складывается впечатление, что она далеко не исчерпала себя как персонаж и в финале романа ещё предельно наглядно продемонстрирует свою изобретательность в действии.

И всё же, на мой взгляд, никакой «грани» (пограничного состояния), а уж тем более, патологии в её личности, действиях нет, она во всём знает меру и, решив вдруг дать волю своим эмоциям, всегда умеет вовремя остановиться.

«Изменится ли в дальнейшем Ваше творчество, так неожиданно резко уйдя вглубь и в сторону?»

Думаю, подобный вариант вряд ли возможен, тем более что я сейчас, неожиданно для себя, увлёкся футурологией. Однако что такое рассказ? Судьба малых форм в литературе обычно недолговечна, пройдёт время, и он непременно забудется. Поэтому я и сделал его зачином своего нового романа, так у него куда больше шансов сохраниться.

Я не прощаюсь, во всех случаях твёрдо уверен, что мы доведём задуманное нами дело до конца. И даже мысленно сейчас с Вами на Эйфелевой башне. Была в моей жизни такая, необыкновенной красоты, мечта – побывать в Париже, но не сбылась, к сожалению.

Мастер

5. Эва – Мастеру

Париж

Читаю и перечитываю Ваше письмо. Особенное удовольствие мне доставляет извлекать его из сумочки на людях: в метро, на автобусной остановке, за столиком в кафе. Представьте себе такую картину: у всех на руках смартфоны, планшеты и прочие гаджеты, а у меня конверт, как Вы упомянули, «с красивыми марками». В «столице мира» трудно людей чем-нибудь удивить, но моя маленькая хитрость действует безотказно.

* * *

Я много думаю сейчас: вот мы решили с Вами написать роман, но в чём его интрига? Не только для нас, а главным образом для наших читателей, если они и вправду когда-нибудь появятся.

Любовь? Откуда? Между нами нет ни капли чувства. Вы даже не видели ни одной моей фотографии. А ведь не исключено, что я какая-нибудь бесформенная уродина. Ваши фото на сайтах? Какой они давности? Двадцать, тридцать лет назад сняты?

Дружба? Не слишком ли разные у нас для глубокого духовного общения возрастные категории? Я вижу уйму вопросов, по которым мы просто не в состоянии один другого

в достаточной степени оценить!

Литературное исследование? И по нему мы с Вами уже определились: Вы великодушно дали мне на него своё согласие. По сути, единственное, что мне от Вас требовалось.

И тем не менее, пройдя столь долгий путь в своих размышлениях, я, как ни странно, вернулась к его началу. Да, всё-таки Любовь. Но не друг к другу, а к Её Величеству Литературе.

Роман в письмах. Я перечитала много великих образчиков жанра, в который Вы вовлекли меня, и что же я нашла в нём?

Что я не могу быть Вашим соавтором. В лучшем случае – всего лишь помощницей. На мой взгляд, Вы замахнулись слишком высоко с Вашей «Эвой», мешая воедино историю, литературоведение и современную, несущуюся на наших глазах бурным, а оттого не всегда чистым, потоком жизнь. Вы возвращаете меня к тем диспутам, которые постоянно возникали на первом курсе у нас в общежитии, в Московском университете, а также в литературном кафе, где я постоянно тогда обреталась. Но я никогда не испытывала чувства депрессии: правильный ли выбор я в своей жизни сделала, став филологом? С самого первого дня своего пребывания в университете, я постоянно находилась в какой-то тихой, невидимой остальному миру эйфории. И вдруг... встреча с Вами. Совсем не такой я себе её раньше представляла.

Да, вынуждена признаться: я рассуждаю о любви, хотя сама никогда в жизни не любила. Чего я жду от нашего обще-

ния? Откровения? Но ведь половина Вашего творчества посвящена столь желанной для большинства читательниц теме. Я хочу, чтобы Вы шепнули мне на ушко то, чего никому ещё не говорили? Такого желания у меня нет.

Большинство моих сокурсниц, едва распаковав чемоданы, как с цепи сорвалось: начали путаться, при первой возможности и наличии времени, с кем попало. Секс, парни, развлечения – ничего больше у них в голове до сих пор нет. Однако только сейчас, медленно, с большим трудом, я начинаю понимать, насколько упрощённо я раньше воспринимала их поведение. Старость, казалось бы, вззирающая на всё с высот «социалистического» жизненного опыта и не менее «комсомольско-партийной» житейской мудрости, совершенно бессильная что-либо изменить своими пустыми, бессмысленными нравоучениями, и молодость, за неимением таковых, не только вступающая на путь отрицания («мы наш, мы новый мир построим»), но и совершенно беспомощная, когда приходится объяснять подросткам, а то и совсем детям, поступки того или иного литературного персонажа, героя. Приходится твердить заученные из учебника, совершенно непонятные и непригодные для современного человека нормы морали, делая поправку на историю, чтобы хоть как-то вывернуться. Как объяснить хотя бы, почему бросилась под поезд та же Анна Каренина? Бессилие автора? Завёл свою героиню в тупик и так и не нашёл из него для неё выхода?

Другая беда – виртуальная реальность. Я полагаю, что глу-

бокое равнодушие, которое нарастает в мире к Литературе, как раз следствие того, что пищи, псевдодуховной, да и любовью, на выбор, и без неё полно в Интернете. Томление плоти? Зачем засматриваться на девушек вокруг, искать близости с ними, когда проведи пальчиком по экрану – и любые варианты, от лёгкой эротики до крутой порнографии, тотчас рвутся в наш мозг, минуя сердце и душу? Отсюда и самый большой парадокс: мы беспомощны и в то же время пресыщены. Какое-то представление мы создаём для себя, из лоскутков сшитое, но в результате впадаем в ещё больший грех: сознательно лжём, слишком поздно осознав, что сделали ложь своей профессией, хватаясь за давней давности вроде как безотказно действующие, призванные быть спасительными трафареты.

Однако я слишком отвлеклась, пожалуй.

«Португальские письма». Пять полных глубокой и сильной страсти посланий человеку, который никакой любви к девушке, написавшей их, никогда не испытывал, лишь удовлетворял с ней свою похоть. Блистательный французский офицер, для которого подобные победы – один из смыслов существования. Похвастаться в компании друзей, посмеяться над легковёрной простушкой, а завтра снова в бой и, быть может, как итог – пуля в сердце. Что ж, у каждого своя правда. И можем ли мы осуждать его? Но я не верила, не верю и никогда не поверю, что их написала женщина. Обыкновенная литературная мистификация, над которой тем не менее

два с половиной века рыдал весь мир, да и до сих пор ещё с удовольствием её почитывает.

Первое впечатление, которое я сама испытала, — был шок. Это любовь? Все мои прежние представления в области «нежных чувств», хоть и довольно скудные, разлетелись вдребезги. Но понемногу я стала приходить в себя. Основой основ вернулась гордость. Женская гордость. Даже Жан-Жак Руссо, который первым усомнился в подлинности захватившего воображение многих его современников бестселлера, главным возражением выдвигал то, что женщина не может писать так хорошо, как мужчина. Я не феминистка, но автор «Юлии, или Новой Элоизы» помог мне понять, на чём зиждется и необычайная популярность книги, и воззрения того, кто в действительности написал её, — на обыкновенном мужском шовинизме. И в самом деле, не могла женщина, тем более монахиня, так глубоко раскрыться, выставить на всеобщее обозрение свои тончайшие интимные переживания. Даже любимому мужчине не всё из них положено знать. Как бы то ни было, именно эта книга подвигла меня проявить себя именно на филологическом поприще, которое показалось мне тогда самым занимательным на свете. Однако сейчас меня, как я уже говорила, всё чаще посещают сомнения: существуют ли они, достойные любви мужчины, вообще и не слишком ли завышенные, в силу своей начитанности, требования я к ним предъявляю? Пока здесь, на курсе, как и год назад в России, меня окружают лишь чрезмерно

озабоченные в сексуальном плане «переростки» (парафраз со слова «недоросль»), да юные «мачо» без мозгов, но с накачанными грудями мышц.

Однако я вновь отвлеклась. Снова французский офицер, на сей раз Шодерло де Лакло. В сорок лет он оставил военную службу, чтобы заняться литературной деятельностью. Уже первая книга, «Опасные связи», принесла ему оглушительный успех, однако оказалась единственной удачей. Тогда де Лакло не стал дальше упорствовать, вновь вернулся на прежнюю стезю и дослужился до генерала. Я не воспринимаю эту жемчужинку исключительно как роман в письмах. Просто мировая классика. Не случайно он столько раз уже был экранизирован, всегда имел не только читательский, но и зрительский успех. Вещь совершенно аморальная, однако отрицать её правдивость бессмысленно.

Кстати, мне очень хотелось бы узнать: как так получилось, что Вас прозвали Мастером? Связано это хоть каким-то образом с Михаилом Булгаковым или нет?

Эва

6. Мастер – Эве

Коломна

Мастер? Нет, с Булгаковым это никак не связано. Просто

перед тем, как разместить свои произведения в Интернете, я с трепетом в голосе спросил своего младшего сына: есть ли у меня шансы обрести хоть какую-нибудь известность на литературных порталах? Он отнёсся к моим словам скептически, ответив, что нужна реклама, раскрутка, только тогда что-то может в этом плане получиться. Один мой новоявленный собрат по ремеслу, совсем ещё парнишка, расписал до мелочей, на основании собственного опыта, как мне рекламу эту организовать, вплоть до заказа в типографии маленьких календариков с моей физиономией на рубашке (карточный термин) и списка литературных порталов, на которых я обретаюсь. Однако в реальности оказалось, что лучшей рекламой стало само моё творчество. Меня заметили сразу, встретили с большим радушием, тем более что я тогда много общался со своими коллегами, участвовал в самых разных конкурсах. Всё для меня после моего многолетнего затворничества было внове. И вот однажды от замечательного поэта Михаила Блинова на «Фабуне» мне и пришёл виртуальный подарок: шикарная алмазная корона с шутливой надписью «Писателю в законе от местной братвы с уважением!». Титул «Писатель в законе» как-то не прижился, но с тех пор меня и стали называть Мастером.

Однако продолжим наш рассказ об эпистолярном жанре. Меня в своё время очень поразил первый роман Фёдора Михайловича Достоевского «Бедные люди». Начну с эпиграфа – до того он удачен! Можно сказать, что и книга родилась как

протест против него.

«Ох, уж эти мне сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вырывают!.. Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься, — а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил» (*Кн. В. Ф. Одоевский*).

Я как раз тогда находился под сильным влиянием своей матери, глубоко верующей, необычайно красивой, но не очень удачливой в жизни женщины. Теперь я понимаю: был бы у неё один ребёнок, нашла бы она без труда своё личное счастье, но с двумя детьми в то время было хоть зарежься. И тем не менее никому она не отказывала в помощи и часто повторяла мне цитату из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19—21).

Тогда-то я и сделал роковой для себя выбор. Что можно было ещё ожидать от безотцовщины? Придумал себе некую «теорию малой бедности», так и жил по ней, балансируя на незримой грани, где достаток губит, а отсутствие его убивает.

Или, как в самом романе сказано:

«Ах, друг мой! Несчастье – заразительная болезнь. Несчастливым и бедным нужно сторониться друг от друга, чтобы ещё более не заразиться».

«Люди богатые не любят, чтобы бедняки на худой жребий жаловались».

Как это великолепно накладывается на современную действительность, в которой наши замечательные правители экономические неурядицы, которые они сами и породили, пытаются устранить за счёт беднейших слоёв населения. По неволе создаётся впечатление, что арифметики они совсем не знают, в школе сразу с алгебры начинали.

Когда меня на презентациях моих книг, встречах с читателями просят рассказать о моём детстве, молодости, я стараюсь как можно скорее уйти в сторону от подобных вопросов. Зачем беспокоить людей подобными «повествованиями»? Кому они и в самом деле могут быть интересны? Что можно найти героического, да и вообще достойного, к примеру, в моём послевоенном детстве, чтобы это запомнилось?

Убогость, нищета, безотцовщина. Непрерывный голод, как физический, так и духовный. Неусыпный контроль со стороны надзирающих органов. Давление на интеллект. Нескончаемое враньё, пропаганда со всех сторон в качестве материала для пополнения эрудиции. Первое жильё в двадцать лет, до этого скитания по частным квартирам. Моя мать получала 30 рублей зарплаты, 17 из них уходило в оплату за угол (не комнату даже!) на пятерых. То есть не толь-

ко нам втроём с матерью и братом, а ещё и вместе с хозяевами там приходилось жить. Особенно запомнился мне последний такой «рай в шалаше»: полуподвал, сквозь окна которого я с утра до вечера мог любоваться исключительно видом спящих взад-вперёд ног. Что до «удобств», то они были даже не на дворе, а на горе. Летом ничего ещё, а вот зимой... Эверест отдыхает!

Как-то, уже в зрелом возрасте, я наткнулся в собрании сочинений Владимира Маяковского на великолепное стихотворение: «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Особенно меня потряс в нём эпизод, как герой принимает ванну:

Придешь усталый,
вешаться хочется.
Ни щи не радуют,
ни чая клекотанье.
А чайкой поплещешься —
и мертвый расхохочется
от этого
плещущего щекотания.
Как будто
пришел
к социализму в гости,
от удовольствия —
захватывает дых...

Приблизительно такой же восторг испытал и я сам, впервые оказавшись в недостижимом ранее «этом», которое

«белее лунного света,
удобнее,
чем земля обетованная».

Что было потом? Недоразвитый социализм, перестройка, «лихие 90-е», первобытный, пещерный капитализм. Сначала я злился на мать, что она меня так воспитала, сейчас всё больше прихожу к выводу, что она была права.

Сюжет романа? Да вы его помните, конечно. Макар Деушкин, ничтожный чиновник, влюбляется в свою дальнюю родственницу Вареньку, которую обесчестил богатый помещик Быков. Он снимает для неё жильё, помогает, чем может. Оба подрабатывают: Варенька – шитьём, Макар – переписыванием всякого рода прошений, канцелярских бумаг. Но общаются они только в переписке (помните? – «несчастливым и бедным нужно сторониться друг от друга»). Жизнь между тем всё глубже топит их: Варенька заболевает, Макар совсем лишается своего нехитрого заработка, однако финал всё-таки «счастливый»: Быков разыскивает Вареньку, чтобы жениться на ней, завести детей и лишить тем надежд на наследство своего безалаберного племянника.

Что касается «Португальских писем», то меня больше всего поразила в них личность автора, Габриэля-Жозефа де Гийерага. Я считаю, что никакой литературной мистификации, о которой Вы упоминаете, со стороны издателя не было. Анонимность при публикациях была довольно частым явлением в те времена, однако здесь прямо было указано имя «переводчика с португальского». Хотя о каком переводе, собственно, могла идти речь, если книга изначально была написана на французском? То есть четверть тысячелетия лучшие умы тогдашней литературы бились над загадкой, ответ на которую лежал на поверхности. Но вот что действительно прискорбно – мир потерял прекрасного писателя. Как раз к моменту выхода «Писем» дела у их автора неожиданно пошли в гору, и он, юрист по образованию, без особых раздумий выбрал карьеру политика, дипломата, где достиг больших высот под конец своей жизни. Ну а литературный (да и любой другой) дар, вельможам подобного ранга во все времена разумнее скрывать было, а не выставлять напоказ.

С романом «Опасные связи» противоположная история. Бравый артиллерист, изобретатель Шодерло де Лакло в какой-то момент решил посвятить свою жизнь литературе, однако выложился в ней в одной только книге, которая тем не менее сделала его имя бессмертным. Жанр «романа в письмах» позволил ему не выстраивать заумные мизансцены, не утруждать себя громоздкими описаниями, а лишь оттачивать до блеска диалоги. Сюжет прописывался «в лоб»,

однако именно это позволило гениальному неофиту не только блестяще замаскировать свою писательскую неискренность, но и предвосхитить реализм – новое направление в литературе, позволившее впоследствии вызвать к жизни лучшие произведения Бальзака, Стендаля и многих других авторов.

«Анна Каренина». Давно ли Вы этот роман читали, что так легко о нём рассуждаете? Быть может, Вы забыли, что Анна была морфинисткой, что она разрушала вокруг себя всё, что только могла? Какая карьера могла быть дальше у её рогоносца-мужа? А Вронский, которому пришлось оставить армейскую службу по тем же причинам? А ни в чём не повинное дитя – Серёжа – с неожиданным и незаслуженным клеймом в самом начале своей жизни и насмешками окружающих до конца дней своих? Я уже не говорю об эротическом сне, в котором героиня предаётся любовным утехам одновременно с мужем и любовником. Мне такое вообще непонятно. Как-то недавно зрелая женщина, одна из моих постоянных читательниц, гордо заявила мне, что она настолько любит своего мужа, что, не задумываясь, выполнит любое его интимное желание. В частности, когда он предложил ей попробовать секс втроём, она без малейших колебаний согласилась. Конечно, ей дико было делить своего возлюбленного супруга с другой женщиной, но никаких угрызений совести она ни во время «эксперимента», ни после него не испытывала. Весь моральный аспект отмела в сторону супруга:

«Он так захотел». Почти как у Ницше: «Счастье мужчины зовётся „Я хочу“, счастье женщины – „Он хочет“». Кстати, все эти рискованные шаги на интимном поприще не спасли её в итоге от развода.

Знаю, знаю, что Вы скажете: представления о жизни, нормах морали в каждом обществе постоянно менялись. Морфием баловались в своё время многие люди, даже гениальный Шерлок Холмс. Он считался лекарством и прописывался докторами. Подразумевалось, что нет лучше средства, чтобы заглушить боль или преодолеть усталость, депрессию. На его основе было разработано впоследствии другое «волшебное» средство: героин (*geroic, geroish* – «героический, для героев»). Его ещё называли «солдатским», или «армейским» «лекарством».

Но подлинное величие Льва Николаевича как раз и заключалось в том, насколько верно он описал, в числе прочего, воздействие так называемого «лекарства» на поведение своей героини.

То, что Анна Каренина – один из ярчайших женских образов в мировой литературе, и не подумаю оспорить, но в смысле воспитания, на мой взгляд, лучше было бы его либо вообще из школьной программы исключить, либо по меньшей мере не преподносить так восторженно.

Уж извините, что я отвлёкся. Но никак не мог, при всём желании, Ваши дифирамбы оставить без ответа. Что ещё? Можно было бы, конечно, порассуждать о книге «Илья

Ильф, или Письма о любви», состоящей из удивительно чистой, нежной переписки Иехиела-Лейба Файнзильберга и его будущей жены Марии Тарасенко, однако не наскучил ли я Вам своими сентенциями?

Мастер

Часть третья

Короткий роман

Рассказ

Пейзаж

Шутка

Ты летела
В «Мерседесе»,
Я пахал
На тракторе,
Пели птицы
В поднебесье,
И лягушки
Квакали.

– Не узнали меня? – не удержалась всё-таки от вопроса женщина, сидевшая напротив Колчина в электричке.

С самого начала она вела себя очень странно: когда он, внимательно оглядевшись, выбрал наконец подходящее местечко, тут же встала и пересела в самый конец вагона. За-

тем столь же неожиданно вернулась. Теперь вот завязался какой-то нервный, с эмоциональным надрывом разговор.

– Ну почему же? – холодно отозвался Сергей. – Вот только не понимаю, почему мы на «вы». У нас, помнится, были хоть и недолгие, но достаточно близкие отношения.

– Да, совершенно верно, – с язвительной усмешкой кивнула женщина. – Короткий, можно даже сказать – стремительный роман.

Она поколебалась какое-то время, нервно покусывая губы, затем всё же решилась открыться:

– Кстати, Илона мне всё рассказала. Я даже знаю сумму, в которую мой муж меня, да и тебя заодно, пусть заочно, оценил. Что, очень деньги были нужны? Я могла бы заплатить и дороже. Ну, вспоминай, вспоминай, Серёжа, ты ведь хвастался когда-то, что у тебя феноменальная память. К примеру, как меня зовут?

– Екатерина. Екатерина Игоревна.

– Ну а фамилия?

– Фамилию, к сожалению, не знаю.

– Уже ложь, – презрительно фыркнула «Катенька». – Мой бывший муж, Валерий Патрин, слишком известный человек, чтобы его фамилия стёрлась в твоих воспоминаниях. Я даже не стала её менять. Кто я без неё?

Сергей заскучал, его начал раздражать затеянный назойливой собеседницей допрос. Некоторое время он рассеянно смотрел в окно электрички, старательно оживляя в памяти

не первой свежести события, затем в бессилии, повернулся к «госпоже Патриной» лицом.

– Прости, Катюша, но я действительно до сих пор понятия не имею, кто твой муж. Знаю, что какая-то шишка. Ты уж не обижайся. Давай попробуем вместе вспомнить: как развивались события? Помоги мне, раз уж для тебя это настолько важно. Начнём с того, что помню я. Была презентация очередной моей книги, на ней присутствовала, среди прочих, Илона, журналистка-фрилансер, моя давняя знакомая, с какой-то закадычной подругой. Как я понял, подругой этой была ты?

Патрина молча кивнула.

– Ага, уже легче, – обрадовался Колчин. – Дальше... Что было дальше? Как обычно, после мероприятия организовался небольшой «междусобойчик». Каким-то образом вы обе проникли туда. Я никогда не ухожу с подобных вечеринок один, такой у меня принцип. С Илоной мы когда-то были близки, но она быстро разобралась, что я гол, как сокол, и наши любовные отношения плавно перетекли в деловые: Илоша находила нам с ребятами спонсоров, устраивала встречи с читателями, презентации наших книг. Не задаром, конечно. Иногда, при расчёте, мы по привычке сочетали с ней приятное с полезным. Что ещё? В тот вечер ты подвезла нас до моего дома, а сама уехала. Тут и начались откровения. Оказалось, что «папик» Илоны – муж её лучшей подруги, то есть твой «слишком известный человек». Что он давно ищет

повод, чтобы развестись с опостылевшей ему женой, и предлагает за это хорошие деньги. Их мы с Илоной в воображении быстренько распилили. Наш роман с тобой был бурным, но скоротечным. Илона тщательно запечатлевала его на фото и видео для истории. Когда снимков и роликов, в том числе интимных, набралось предостаточно, вы обе из моей жизни исчезли, «как с яблонь белый дым», а у меня на холодильнике, как воспоминание, остался конверт с деньгами. Вот и всё. Да, конечно, не спорю, я поступил подло. Но ты же сама прекрасно понимаешь, что Илона всё равно кого-нибудь другого наняла бы. Хочешь отхлестать меня по мордасам? Не возражаю. Для удобства можем выйти в тамбур. Есть ещё вопросы?

Екатерина некоторое время снова покусала губы, не зная, что ответить. Наконец задумчиво проговорила:

– Ну если ты не знаешь, что было дальше, могу прояснить: мы развелись с Валерием, он поступил достаточно благородно – оставил мне квартиру, машину, дал хорошие отступные, на которые я теперь существую, однако на Илоне не женился, выбрал девушку глупую, красивую, но молодую, словом – идеал для зрелого, тёртого мужика. Илона не растерялась, уехала в Москву, нашла себе другую кандидатуру, сейчас, насколько я слышала, процветает. Большого не могу сказать, мы с ней не видимся, я уже человек не её круга. Что ещё? Сама я замуж вновь так и не вышла. Сейчас вот еду в Москву, подруга пригласила походить с ней за компанию по те-

атрам, музеям. Хочется развеяться, насладиться общением с прекрасным.

Она задумалась, вздохнула, затем продолжила:

– О тебе. Очень часто наши отношения вспоминаю. Долгое время никак не могла понять, как в одном человеке может сочетаться подлая низкая душонка и удивительный талант, глубокое знание жизни, женской сути, любви. И только когда наткнулась на твоё стихотворение «Признание», всё встало на свои места. Я его даже наизусть выучила:

Зачем Вы резко оборвали
Возникшую таинственную нить?
Зачем так грубо помешали
Мне тихо, нежно Вас любить?

Моё признание Вас испугало?
Спасибо, дали мне урок,
Что есть творец и есть творенья,
Они разнятся. Но урок не впрок.

Я больше Вам не докучаю —
Ещё нежнее Вас люблю.
Я не страдаю — я летаю
И скоро снова воспарю.

– Надеюсь, я ничего не переврала? Как бы то ни было, всё в точку. И о творце и его твореньях, и о том, что урок не пошёл впрок. Не стану скрывать – рана в сердце глубокая,

до сих пор не заживает, а твои стихи, рассказы, романы я читаю и перечитываю именно так, как ты советовал одной поклоннице в своём комментарии: трижды – сначала умом, потом сердцем, затем душой. Ещё я очень счастлива, что мы так неожиданно-негаданно встретились сегодня и прояснили всё, что с нами когда-то было.

Сергей молчал. Он смотрел в окно и удивлялся: как странно – такой ёмкий разговор, а они ещё и половину пути не отмахали.

– Ты тоже в Москву? – только для того, чтобы возобновить разговор, спросила Екатерина.

– Нет, до Малаховки. В тех краях санаторий есть, «Сосновый рай» называется. У нас там встреча с читателями. Ребята пораньше уехали на машине, а я вынужден был по делам задержаться, теперь вот навёрстываю упущенное.

– Встреча с читателями? – удивилась Патрина. – Неужели кто-нибудь на такие мероприятия ещё ходит? И хорошо платят?

– Когда как. В этот раз ничего. Мы просто главврача там зацепили, она запала на одного из наших. Красивый парень – Филипп, под два метра ростом, похож немного на очень известного артиста, вот и устраивает нам такие встречи, практически каждый заезд. А деньги мы зарабатываем на продаже своих книг, часто с автографами. Люди на отдыхе – расслабляются, скучают, а потому охотно раскупают нашу

продукцию. Разговоры после, иногда весьма для нашего брата полезные. Да и просто связями, хоть дружескими, хоть любовными, мы никогда не брезгуем. Если повезёт, денёк отдыхаем, там бассейн шикарный, и снова мчимся на какое-нибудь мероприятие. Вообще-то нас четверо самых закадычных «мушкетёров», ну а фактически больше сотни. Все профессионалы: с «корочками», наградами, дипломами. Все с царём в голове, графоманов и бездарей среди нас нет. Помогаем друг другу с заработком, публикациями, изданиями, всегда готовы протянуть руку помощи.

Неприятная часть разговора была позади. Сергей оживился, теперь он был полностью в своей стихии.

– Мы не изгой, не отверженные, у нас много читателей, поклонников на литературных порталах, в соцсетях, но с большими издательствами мы стараемся дел не иметь. Права заберут на три-пять лет, а гонорары, если и заплатят, то нищенские, могут и вообще рукопись не издать: в шкафу продержат весь срок и вернут. А уж если за дело возьмутся, испоганят вещь своим изуверским редактированием так, что мама родная не узнает. Недаром Джек Лондон в своём «Мартине Идене» сказал, что редакторы в основном получают из неудавшихся писателей. Сейчас, правда, ещё хуже контингент появился: девочки, только что окончившие филфак. Представь: без году неделя в литературе, а на полном серьёзе отчитывают нас, учат, как надо стиль выдерживать, жизнь отражать. Так что мы по большей части сами распро-

страняем свою продукцию по книготорговым базам, сетям, фирмочкам, магазинам. Летом активность здесь замирает, и мы отправляемся в турне по курортам: Пятигорск, Кисловодск, Черноморское побережье Кавказа, Крым. Там отдыхаем, развлекаемся по полной программе, снова встречи, книги, знакомства. Ну а вообще-то мы ничем не гнушаемся: участвуем в создании телесериалов, пишем блоги для Интернета, сценарии для видеороликов, клипов, корпоративных вечеринок, юбилеев, других самых разных мероприятий. У нас есть даже своя маленькая, но современная, цифровая типография. Печатаем в ней, буквально без счёта, свои нетленки. И сбываем тоже.

Екатерина усмехнулась:

– Ну, по тебе, Сережёненька, никак не скажешь, что ты процветаешь. У меня взгляд намётанный, ещё с прежних времён, когда я была дамой из высшего общества. Что, у друзей твоих положение тоже не лучше? Или ты просто из разряда невезунчиков?

Колчин мрачно скривился:

– Да нет, у большинства из нашей команды всё в шоколаде, я просто слишком часто «падаю в колодец».

– В колодец? – покачала головой Патрина: было чему удивиться. – В смысле – пьёшь, уходишь в запой?

– Опять не угадала. – Сергей снова поморщился. – Пью я мало. Зачем? Я и так постоянно в нирване: занимаюсь любимым делом, живу яркой, насыщенной жизнью, о чём

ещё можно мечтать? Всё дело в том, что у нас, прозаиков, своя специфика. Не так, как у поэтов, которых вдохновение может осенить где угодно: в общественном транспорте, на стульчаке в туалете, некоторые даже ухитряются каким-то образом успешно совмещать творчество с бизнесом. Нам, в отличие от них, нужно полное погружение. Поэтому, когда «накрывает волной вдохновение», отключаются все виды связи, день путается с ночью, в результате выкарабкиваясь на свет божий с рассказом, повестью, а если повезёт, даже куском нового романа в зубах. Все наши понимают, никто не тревожит: ну, «упал человек в колодец», можно только порадоваться за него. Затем вещи читаются, обсуждаются, по мере сил редактируются, корректируются, верстаются – так и рождаются обычно наши книги. Долго ищем деньги на их издание, дальше, как я и говорил, продаём, рекламируем, допечатываем, снова продаём.

От следующей станции ходили в основном скоростные электрички, поэтому вагон постепенно набился до отказа. Сергей и Екатерина какое-то время молчали, затем Патрина решилась всё-таки задать самый важный для неё вопрос:

– И что, ты так до сих пор и не женился?

– Очень смешно! – Колчин расхохотался. – Кто ж за меня замуж пойдёт? Быть женой писателя и так не сахар, ну а со мной вообще полный завал. Кому такое понравится: муж то в «колодце», то пропадает невеста где с утра до ве-

вчера, о женщинах уж и не говорю: как обойтись «творцу» без их нежности, ласки, сокровенных признаний? Где иначе черпать вдохновение, материалы, сюжеты для своих «творений»? А ведь тут, с какой стороны ни посмотри, сплошные измены. Сцены по малейшему поводу, ревность дикая: никто больше месяца не выдерживает, проверено уже. Есть, правда, и среди нас супружеские пары, но это скорее творческие союзы. У некоторых даже дети имеются.

– Я бы выдержала, – тихо сказала вдруг Екатерина.

– Ты? – удивился Колчин. – Но ведь я для тебя подлец, негодяй, тварь ничтожная. И измениться никогда не смогу. Я же говорил тебе: мне наплевать, что обо мне люди думают, для меня моя жизнь – счастье, Богом подаренное. Когда-то я, как большинство людей вокруг, работал, «служил», между делом пописывал, а летом звонил своему литературному агенту, и он продавал меня куда-нибудь в «рабство»: «книггером», «призраком», в команду к какой-нибудь знаменитости или в телесериал, но однажды на весь сезон меня купила молодая дамочка из «новых русских», у которой было двое детей и возможность, благодаря вельможному мужу, посвятить всю свою жизнь их воспитанию. Когда она стала читать им сказки, то была совершенно потрясена их содержанием: убийства, предательства, ненависть, даже среди родных, самых близких, людей. Чего в них только не было. И тогда она решила писать сказки сама, попросив найти ей профессионала в подмогу. Это было что-то незабываемое.

Необыкновенно трепетное отношение друг к другу, но ничего интимного, мы перемещались из Москвы в мой город, улетали на море, шлялись по замкам, музеям в Европе, и дети были с нами единой командой, не капризничали, хохотали, светились счастьем. И мы писали, писали, вдохновения было хоть отбавляй. После этого я понял, что отшельничество в моём ремесле не выход, я должен играть в команде. С тех пор и играю.

– Ладно, скоро твоя остановка, вряд ли нам доведётся ещё когда-нибудь свидеться. Я внимательно слушала тебя эти полтора часа, Серёжа, но они, как я ни надеялась, ничего для меня не изменили. Ну как в стихотворении том твоём: «Я не страдаю, я летаю». У меня нет к тебе ненависти, я ничуть не сожалею о своей прежней жизни. Да и что в ней было? Рожать, воспитывать детей, работать – я ведь высококвалифицированный экономист, между прочим, – мне всё запрещалось. Только поддержание имиджа, благотворительность, содержание нашего особняка-дворца в идеальном порядке. Так что и вспомнить нечего, только то счастье, которое однажды нежданно-негаданно со мной приключилось, а на всё остальное – мнения родных, близких, знакомых, мне абсолютно наплевать, – с болью в голосе пролепетала Екатерина, путаясь в словах, стараясь уложиться в те жалкие минуты, что ей ещё оставались. – Не стану скрывать, у меня было много возможностей снова выйти замуж, но никак не мо-

гу себя заставить. Работу нашла удобную: сутки через трое. Запоем читаю, постоянно размышляю. Ну, как и вы, наверное: тоже что-нибудь охраняете, за приборчиками наблюдаете. Но выход так и не брезжит на горизонте. Давай, я напишу тебе свои координаты: скайп, e-mail, номер мобильного телефона. Может, у тебя когда-нибудь выкроится на меня время, и мы снова встретимся. Такими короткими встречами-вспышками я могла бы быть счастлива хоть всю оставшуюся жизнь.

Сергей ничего не ответил – он только отрицательно покачал головой.

Они некоторое время молчали, затем Колчин вздохнул с облегчением:

– Ну всё, моя остановка. Рад был встретиться, поговорить.

Он встал, достал сверху небольшую дорожную сумку, начал протискиваться к выходу. Затем вдруг вернулся, не обращая внимания на недовольный ропот пассажиров в проходе, и предложил:

– Ты, наверное, так ничего и не поняла из моего рассказа. В принципе, если хочешь, поедем со мной, посмотришь, как мы работаем. Но никаких обязательств, договорились? Ни с твоей стороны, ни с моей.

Она не раздумывала ни секунды.

На пути к санаторию, уже в маршрутке, Сергей искоса поглядывал на Екатерину. В голову ему, вместо подготовки

к предстоящему выступлению, лезла всякая ерунда:

«А что, почему бы и нет? Где я ещё найду такую дуру? Впрочем, почему дуру? Женщину, человека».

Часть четвёртая

Эва и Мастер

Эпистолярный

Изгой

Верлибр

У богатых свой бог,
И у бедных свой бог,
Но в храм они ходят
Один.
Молятся, крестятся,
Поклоны бьют,
Рядом
Раб и господин.

У богатых свой век,
И у бедных свой век,
Но смерть для них
Одна.
Как одна
Страна.

Как ОДНА
Страна.

У бандитов свой бог,
И у праведных свой.
Но мораль и здесь всё та:
Не украл,
Не убил,
За Отчизну горой —
Не герой ты,
Нет, не герой.

Ты – изгой.
Ты – ИЗГОЙ.

* * *

7. Эва – Мастеру

Париж

Как Вы могли так поступить? Я думала, мы работаем вместе, ничто не в состоянии разрушить наш неожиданно возникший творческий тандем, и вдруг узнаю, что Вы не просто написали новый рассказ, но даже и решили включить его

в «Эву». Причём узнаю последней. Из Ваших комментариев, переписки с поклонницами – от кого угодно, но только не от Вас самого. Вы считаете это нормальным? Или вообще не воспринимаете меня всерьёз?

Целый день я ходила под впечатлением от столь неожиданного для меня предательства «творца». Не скрою, первым моим порывом было разорвать навсегда наши отношения. Однако затем я понемногу успокоилась, взяла себя в руки. Ещё раз внимательно прошлась как по тексту, так и комментариям к нему. В особенности, по Вашим ответам.

Итог – ноль. Несколько совершенно пустых рецензий. Как результат – пара дней в рейтингах, в которых Вы не поднялись выше середины первой сотни. Потом вообще сдулись.

Ваши ответы.

Один журнал попросил у Вас какой-нибудь свежий рассказик, но не выложенный ещё на Ваших страничках в Интернете. Вы буквально за пару дней состряпали свой «Короткий роман», однако с такой же скоростью его в редакции и отвергли. «Слишком много диалогов, мало описательности – природы, например. Нет анализа чувств героев». Природы? Смешно. Попахивает в лучшем случае началом прошлого века. У героев всего полтора часа времени в электричке для того, чтобы разобраться в запутанных донельзя, всё дальше уходящих в бездонные глубины памяти отношениях и попытаться буквально вывернуться наизнанку, чтобы объяснить, что они на самом деле друг к другу чувствуют, и, мо-

жет быть, если получится, в результате даже соединить навек свои судьбы. Причём тут «почки распустились» или «падали с дуба листья»? Впрочем, с того же дуба, наверное, рухнуло и Ваше сообщение о том, что Вы решили включить отвергнутый рассказ в состав нового романа.

Ещё раз повторяю: это были самые первые мои впечатления. Затем я постепенно успокоилась и попыталась новых – не пришей кобыле хвост – персонажей пустить в свою душу. Героиня многим понравилась, хотя, собственно, ничего особо примечательного я в ней не нашла. Типичная разведёнка. И на что она себя дальше обрекает? Терпеливо сносить измены уже нового мужа, «помогать ему в его нелёгкой судьбе»? Но так ли уж она у него нелёгкая?

Подлец, циник, жиголо – ни одного лестного слова в адрес Вашего героя я так и не нашла в комментариях. Нет только слова «бездарь». Однако у нас, опять же, нет никакой возможности убедиться, талантлив ли Сергей Колчин, вправе ли мы полагаться на суждения не имеющей никакого отношения к литературному миру героини?

Простите за резкость, но Вы буквально выбили меня из колеи. Подожду Вашего ответа, может, он хоть что-нибудь прояснит в моей затуманенной голове?

Эва

8. Мастер – Эве

Коломна

Я несколько раз перечитал Ваше письмо, но так ничего в нём и не понял.

«Как Вы могли так поступить?»

Отвечу Вам Вашими же собственными словами:

«Я не могу быть Вашим соавтором, в лучшем случае – всего лишь помощницей. На мой взгляд, Вы замахнулись слишком высоко с Вашей „Эвой“, мешая воедино историю, литературоведение и современную, несущуюся на наших глазах бурным, а оттого не всегда чистым потоком жизнь».

Рейтинг. Я давно уже не гоняюсь за рейтингами. Да и вообще присутствую на литературных порталах больше в качестве «свадебного генерала», чем активного участника, хотя раньше не вылезал из Топ-200. Конечно, я всегда отвечаю на письма, комментарии своих читателей, однако сам инициативы уже года два как не проявляю. Вся эта белиберда, включая участие в различных конкурсах, отвлекает от главного – творчества. А у меня контракт и предельно сжатые сроки в нём.

Вы довольно язвительно обрисовали ситуацию с журналом, описанием которой я столь неосторожно, «в прямом эфире» поделился с одной из своих коллег. Что ж, Вы пра-

вы. Сейчас даже в учебных заведениях, где преподаётся филология, этот вопрос неизбежно затрагивается. Нельзя писать в наши дни, тем более разменяв третье тысячелетие, так, как писали век или два назад. Те же «Португальские письма» были в этом отношении мощным, неожиданным прорывом. Ни одного лишнего слова, всё в «десяточку», какой контраст на фоне многотомных рассуждений и описаний, которые успешно дожили до нашего времени, и, по всей видимости, нас с Вами ещё переживут. Однако у меня и в мыслях нет и не было на кого-то обижаться. Наследие «социалистического реализма»: во всех изданиях сейчас выработаны свои каноны, которые, как кальку, накладывают на любое произведение и пренебрежительно затем качают головой – «слабо», «бесцветно», «ни в какие ворота не лезет». Что до ведущих издательств, то там выражаются ещё короче: «неформат».

Да и вообще, с тем же равнодушием с некоторых пор я отношусь и к публикациям в журналах. Конечно, если что-то само идёт в руки, отказываться глупо, но так, чтобы биться головой об стену... Только книги, причём желательно бумажные, а не электронные издания. Если не мне, то, может, Вольтеру поверите: «Журналы – это архивы пустяков».

Чем мне ещё Вас удивить? Да, я отказался от своего прежнего замысла: написать роман в письмах. Теперь «Эва» будет романом в рассказах и письмах. Необычный жанр. Но Вы са-

ми привели меня к нему, обозначив основной темой нашей переписки Любовь. И не просто любовь, а любовь к Её Величеству Литературе. Так чем же в таком случае «Короткий роман» хуже «Фанатки»?

На какие Ваши вопросы я ещё не ответил?

Трактовка образа героини? А никакой трактовки, собственно, нет. Есть только любовь, которая опровергает один за другим все доводы разума.

Как можно определить, талантлив ли автор? Да хотя бы по тем двум рассказам, которые уже имеются в тексте романа, и тем, которые, возможно, мне ещё предстоит написать.

«Слабо», «бесцветно» – Вы тоже так думаете? Злые языки мне передали, какой ярлык в действительности возобладал: «аморально». Но аморальна в данном случае жизнь, а не поступки главных героев. Аморальны люди, которые вычерчивают специальные кальки, вытаскивают на свет божий устаревшие, замшелые каноны, чтобы оправдать своё собственное творческое бессилие. И уж совсем без стыда, без совести издатели и их прихлебатели-хриstopродавцы, которые в погоней за возможно большей выгодой устанавливают открыто на площадях, книжных прилавках, в умах тех, кто приходит к ним за знаниями, жизненной мудростью, пищей духовной, вычурные, а порой и полные истинного изящества прокрустовы ложа. Хотя логичнее: трижды прокляты пусть будут небожители, которые позволяют им безнаказанно наживаться, издеваться, мазать дёгтем и вываливать в перьях

Ту, что давно уже из Её Величества превратилась в глазах толпы невежд и недоумков в Её ничтожество.

Мой Сергей Колчин – солдат. А на войне, как на войне: реверансы отбрасываются в сторону. Он и его друзья быются насмерть. За себя, за Истину, за Родину, за Любовь, уж простите за высокий слог, и только Бог им судья, и никто больше.

Мастер

9. Эва – Мастеру

Париж

Лихо, жёстко! Эко я Вас раззадорила! Больше не буду трогать Ваш рассказ, чувствую – наболело. Вернусь к своей скромной особе. Хочу спросить совета у мэтра, пока мы с Вами ещё не разругались насмерть. За курсовую работу я больше не беспокоюсь, дело с ней идёт как по маслу, но там, впереди, пусть и не скоро, куча других заданий. Больше всего с давних пор занимают моё воображение два любовных романа: Ивана Тургенева и Полины Виардо, Оноре де Бальзака и Эвелины Ганской. Может, на них и остановимся? Кстати, до сих пор в себя не могу прийти: как Вы расправились со знаменитой героиней Льва Толстого? Для Вас что – вообще нет авторитетов? А как же Татьяна Самойлова – лучшая Анна Каренина всех времён и народов, которая покори-

ла своим обаянием весь мир?

Эва

10. Мастер – Эве

Коломна

Ну что Вы, авторитеты для меня есть. Хотя бы та же Татьяна Самойлова. Особенно меня потрясло, как жестоко она за своё «обаяние» поплатилась. Полное забвение в самом расцвете жизненных сил и невероятного таланта. Наши отечественные палачи могли убить не только словом, но и молчанием. Тут даже и придраться не к чему. Но кино и литература – разные вещи. Есть у меня ещё сюжет небольшого рассказа, к которому я всё никак не решаюсь подступить, ну а после него размышлениями об Оноре и Эвелине, думаю, мы и завершим нашу переписку. К загадочному чувству Ивана Сергеевича мне прикасаться больно. Что в нём было? Мазохизм, лебединая верность, навязчивая страсть, преклонение перед великим талантом? Дело исследователей такими вещами заниматься. Мне не с руки.

Мастер

Часть пятая

Стажёрка

Рассказ

Человек обязан быть счастливым.
Если он несчастлив, то он виноват.
И обязан до тех пор хлопотать над
собой, пока не устранил этого не-
удобства или недоразумения.
Л. Толстой

1

Я привык к одиночеству. Предыдущий брак настолько измотал меня, что даже на работе возможность посмотреть какой-нибудь телесериал или что-нибудь почитать из книжных новинок я давно уже предпочитал карьерному росту, хорошей зарплате. Сутки – трое: куда уж лучше? Особенно я ценил вечерние часы и выходные дни, когда сводилась к нулю вероятность того, что меня может побеспокоить начальство.

Эх, достать бы и сейчас из тайника новенький телевизор «Самсунг», на который мы сложились нашим маленьким, но дружным коллективом, и посмотреть какой-нибудь свежий боевичок или мелодраму. Знакомые ребята без устали качали их из Интернета. Угораздило же меня нарваться

на такую дуру!

Стажёрка... Я когда-то преподавал, поэтому совсем зелёных новичков отдел кадров старался направлять именно ко мне. Я достаточно подробно, хоть и нудно, объяснял не только особенности работы, компьютерные программы, но и обговаривал все подводные камни, которые могли возникнуть у них в отношениях с администрацией, даже давал скопировать билеты и ответы на них для аттестации, которую мы ежегодно проходили.

Я сказал «дура» исключительно по двум причинам. Стажёрка была одета как на вечеринку, хотя в моей «избушке» холод стоял такой, что я всем видам дресс-кода предпочитал пару-тройку надетых, как слоёный пирог, тёплых штанов, толстовку и телогрейку.

Одни полы чего стоили! Просто ещё при социализме, не мудрствуя лукаво, землю залили цементом, а сверху постелили линолеум. Пролетарский конструктивизм – ничего лишнего! Зимой торжественно запускался маломощный электрокотёл, но по большому счёту он не спасал.

А здесь – туфли на каблучке, юбка выше колен, колготки в сеточку, ажурная блузка. Было от чего глазам на лоб вылезти.

Ну и другая причина: собственно, все секреты нашего ремесла Ия довольно быстро освоила и с лёгким сердцем могла бы отправиться восвояси. Но девчонка очень боялась, что начальство или диспетчер могут позвонить- проверить: как-

никак первый рабочий день. Разубеждать её я не собирался, вся ответственность тогда ложилась бы на меня. А рисковать такой синекурой – дураков нет!

Казалось, мы рассказали друг другу всю свою жизнь. И я с ужасом думал: вдруг «ажурный цветочек» надумает остаться на ночь. А я после одиннадцати, сделав последний звонок диспетчеру, вопреки всем инструкциям и запретам обычно дрых без задних ног до шести часов утра. А тут и дальше, клюя носом, пришлось бы разводить тары-бары. Но начальство, слава богу, сочло достаточным «вникать в материал» до 18:00, так что мне недолго оставалось мучиться. Хотя вечер пятницы: господи, какое уж тут начальство! Тем более что кого попало в нашу организацию не брали: работали в ней исключительно «блатные сыроежки».

Я и в самом деле уже знал об Ии всё: и то, что сравнительно недавно она похоронила мать, отец лет пять назад как умер. Жила она в двухкомнатной квартире с двумя маленькими детьми. Муж, как часто бывает, «объелся груш»: перебежал к лучшей подруге, что по нынешним временам тоже не редкость. Алименты платил регулярно, но по «серой схеме», да и основательно обобрал свою благоверную при разводе, так что выходило негусто.

Из всех тем мы почему-то особенно зациклились на «гостевом браке». Мне подобные изыски были совсем не интересны, хотя обычно я очень любопытен, или, если выра-

жаться точнее, любознателен. Но Ия приводила в пример свою подругу (ещё одну – сколько же их у неё?), которая жила уже больше года так со своим молодым человеком, была очень довольна и ничего другого не желала. Бойфренд являлся исключительно по выходным, они ходили по друзьям, на концерты, ну и, конечно, во всём остальном зажигали по полной программе. Я пытался возразить: мол, не стоит обобщать, подобный вариант, может быть, и удобен для бизнес-леди, а вот она сама как собирается из положения выходить? Но Ия упорно отстаивала свою точку зрения: мужчина в доме, пусть на два дня в неделю, даже если пару гвоздей забьёт – уже в год сотня получится. Дети не будут расти безотцовщиной: качели, карусели, книжку какую-нибудь малышке почитать. Регулярный секс с одним и тем же партнёром – не то что всякую грязь собирать; внимание, букетик цветов иногда, возможность в складчину в отпуске отдохнуть. Взаимовыручка, поменьше станут разные уроды, дебилы приставать, она уже перестанет быть одинокой женщиной. Что скажут соседи? Да плевать на них. Мужчина один, фактор постоянства налицо. Ну, а самое главное – можно не спеша настоящего мужа подыскивать. Не дёргаясь, не соглашаясь на всякого рода суррогаты и полуфабрикаты.

Что мне оставалось? Только отшутиться:

– Совсем как у персидско-таджикского поэта XV века Джами:

Пять важных правил в жизни соблюдай,
И на земле увидишь светлый рай:
В делах мирских не возмущай покой,
Зря не рискуй своею головой,
Здоровье береги, как редкий клад,
Живи в достатке, но не будь богат,
И пусть приходит разделить досуг
К тебе надёжный и сердечный друг...
Перевод Ю. Мальцева.

И я лишь пожала плечами, поэзия явно не входила в сферу её жизненно важных интересов. Да и как могло быть иначе в её положении?

– Ну что, с нетерпением ждём тебя завтра, дорогой муженёк? Номер моего мобильного найдёшь на столе, – лукаво улыбнулась она мне на прощание, когда я ворота за ней закрывал.

Да, бывают же экземпляры! Полный идиотизм! Я наконец дорвался до столь вожаделенного мной боевика, поужинал и забрался с ногами на диван. Что может быть лучше на белом свете?

Разбудило меня чувство опасности. Я спал одетым, так что оставалось только откинуть в сторону любимое ватное одеяло и зажечь свет. В бытовке никого. Я отодвинул щеколду, нажал на кнопку выключателя в машинном отделении.

Всё оборудование, хоть и полувековой давности, работало, как послевоенные часы «Победа». (До сих пор встречаю иногда у старичков, дизайн сам Сталин утверждал). Включил прожектор, внимательно осмотрел двор. И здесь порядок. Вернулся к компьютеру, но и на мониторе никаких изменений не было. Да и что вообще могло быть? На стенах, воротах круги из колючей проволоки «змейка», схватись, попробуй – вмиг без пальцев останешься. Окно с чугунной решёткой, на входной двери сигнализация. Ещё лет десять назад ничего подобного и в помине не было – жизнь заставила.

Я перевернулся на другой бок, но сон не шёл, хотя, в принципе, я успокоился. Как-то одна из проверяющих дам в очередной комиссии спросила меня: «А вам не страшно здесь ночью, одному?». Я лишь усмехнулся: «В принципе, дома куда страшнее. Тут меня и ОМОН, и спецназ – кто только не охраняет, вон какой список номеров телефонов на стене, не говоря уже о „тревожной кнопке“. А дома кому я нужен?».

Я снова встал, включил планшет, полистал фотографии, которые сделал на память: как я мог не запечатлеть такое «чудо природы»? Красивая девчонка, ничего не скажешь. Собственно, не девчонка – молодая женщина лет тридцати. А что так одевается – наверняка проститутка. Однако ни в коллекции «жриц любви» с раздвинутыми ногами в Интернете, ни на местных сайтах клубов знакомств я её почему-то не обнаружил. Скорее всего, работает на какую-нибудь «мамку» или сутенёра.

Я быстренько прикинул на калькуляторе, во сколько обойдутся мне хиленький букетик цветов, две сумки еды, подарки, развлечения и прочая дребедень. Выходило, что хорошая профессионалка при желании скрасила бы мой досуг раза в два-три дешевле. Хотя услугами подобных дам я никогда не пользовался и мог при подсчёте упустить какие-нибудь непредвиденные расходы.

Жизнь меня никогда особо не баловала, я давно уже не верил не то что в любовь, но и в дружбу. В школе меня учили, что при капитализме человек человеку волк. Лихие 90-е окончательно завершили образовательный процесс. Когда моя бывшая ушла к другому, я даже не удивился: соперник был богатым, я – бедным, какое ещё могло быть объяснение? Не знаю, где моя ненаглядная такого идиота подцепила, но он не только предложил ей наших отпрысков усыновить-удочерить, но даже прописал их в своём особнячке, официально оформив все отношения. Так что жене ничего не оставалось, как только предоставить и квартиру, и всё, что в ней тогда было, в полное моё распоряжение, обязав только в течение ближайших двух-трёх лет возместить принадлежавшую ей по закону половину деньгами. И никаких расписок: она знала, моё слово – кремень.

Оставшись один, я тут же принялся перестраивать свою жизнь так, как мне не представлялось раньше даже в самых дерзких мечтах. Перебежал на низкооплачиваемую работу,

о которой уже упоминал, затем нырнул в первую попавшуюся «чёрную дыру»: айтишники везде нужны, а метод «офис на диване» позволяет, особенно при знании языков, работать в любой части света. Не говоря уже о том, что я подстраховался посредником, чтобы избежать заморочек с налоговой инспекцией. Драл он с меня аж треть заработка, никакой совести у человека, но при моём трудоголизме денег у меня всё равно хватало. Ну а дети – я им не навязывался, но и не собирался от них отказываться. Понадоблюсь когда-нибудь – буду тут как тут: и на образование средств хватит, и на то, чтобы устроить потом на хорошую работу.

Кое-как я всё-таки уснул, утром обзвонил нескольких своих самых надёжных коллег на других станциях, но о посетившей меня Прекрасной незнакомке ничего нового не выяснил: двое детей, разведённая, никогда нигде не работала, просили за неё аж из администрации города. И сразу – на постоянное место. Чудеса! Обычно люди у нас до того, как где-то капитально осесть, по несколько лет на подменах болтаются. Я и сам подобной участи не избежал, просто повезло: уложился в полгода.

2

Конечно, я и думать забыл о посетившем меня «мимолётном видении», но только позавтракать успел, как мне уже позвонили.

– Привет, соня! Плохо же ты исполняешь свои новые супружеские обязанности. Совсем забыл про нас. Пока ставлю тройку. Ну, и когда теперь тебя ждать? Ребята с вечера только и галдят, что про парк отдыха и тамошние аттракционы. Насчёт номера телефона не гадай, у девчонок с твоей станции узнала. Кстати, я так подгадала, что графики дежурств у нас с тобой идеально совпадают. Ты, наверное, знаешь, что меня сразу на постоянное место определили? Вчера вечером позвонили-уточнили. Со вторника выхожу.

«Ещё бы не знать, – со злостью подумал я, – ради тебя старушку-пенсионерку в подмену перевели, она сразу заявление на расчёт и накатала».

Как я уже сказал, я давно выкинул из головы нашу вчерашнюю с Ией болтовню и некоторое время, поглаживая гладко выбритые щёки перед зеркалом, пребывал в растерянности, пока не всплыла наконец в памяти фраза из какого-то то ли фильма, то ли мультфильма: «Маленьких обижать ни-з-зя!». И в самом деле, дети-то в чём виноваты?

Встретили они меня, конечно, на редкость враждебно. Собственно, а за что им было меня любить? Очередной мамин хахаль, да ещё без машины, непритязательно одетый. Но не зря я педагогику пять лет, как гранит, грыз: поздоровался, представился, ну а дальше такой же ноль внимания, как и с их стороны.

Сам я не обладаю безукоризненным вестибулярным ап-

паратом. Ия, как видно, тоже. Так что катались в основном «цветы жизни». Восьмилетний Ромочка и шестилетняя Зика, полное имя – Зинаида (зачем так называли?), которое ей совершенно не подходило. Мы снова трепались на самые разные темы, хотя я в этот раз был уже гораздо осторожнее и больше расспрашивал, чем сам раскрывался. Ну чем ещё можно завоевать молодую мамашу, как не делая комплименты её отпрыскам? Хотя вникал я в детскую тему не зря, по привычке присматриваясь, какие у кого можно развить способности и есть ли они вообще? Ни детей, ни взрослых в случаях тесного общения я никогда не пытаюсь ломать, притирать, подстраивать под себя, самым лучшим методом считая освобождение. Все мы прошли через штамповку, систему ограничений, запретов. Со временем они превращаются в комплексы, устойчивые черты характера, причём чаще всего доказательством от противного. На самом деле всё очень просто. Первое, что нужно выявить, – норму и отклонение. В пределах нормы всё допустимо, отклонения лучше выправлять не самому, а окружением, методом рефлексии, осознанием и осмыслением чужих и собственных побуждений и поступков.

Второй вывод, который я сделал, – дети Ии росли дичками, воспитанием и развитием их никто, кроме школы, не занимался. Уже неплохо. Хуже всего, когда приходится что-то менять, переделывать за другими, чем выстраивать заново.

Что ещё? Ромчик постоянно находился в движении, но-

сился как угорелый, крутился, как юла. У такого мальчонки прежде всего надо занять пальцы: конструкторы, машинки, пластилин, глина, бумажные вырезалки-головоломки. Зике нравился образ «правильной девочки»: хорошо выглядеть, быть центром внимания, привлекать к себе интерес. То бишь если что-то обсуждалось, обязательно надо было поинтересоваться её мнением, в крайнем случае решать вопрос голосованием.

Атмосфера потеплела сразу, как только мы расположились в кафе-мороженом. Ассортимент – нескончаемая тема для обсуждения. Дети обычно долго не колеблются в таких заведениях, они точно знают, чего хотят. Но вот «дядя», «мама» – они же ничего не понимают в подобных делах! Сразу из взрослых превращаются в несмышлёнышей, демонстрируют полную беспомощность, в конце концов сдаются и просят пощады. И это так подкупает! Приводится столько аргументов «за» и «против»! Здесь очень важно уступить: забудьте о том, что нравится вам, возьмите то, что нравится «им». И не забывайте потом, «в процессе», почаще употреблять слова восхищения и благодарности.

В общем, к концу первого «гостевого» дня мы были уже пусть хиленькой, но командой.

Вечером в квартире Ии нас ждал сюрприз: её лучшая подруга Алевтина (та самая, которая раньше, до измены мужа, была подругой №2) со своим приходящим кавалером. Па-

рень был так себе, слизнячок, типичный жиголо, сама Алёна – невзрачной смуглой дурнушкой, да ещё маленького роста. Зато дети были от неё без ума: как видно, она никогда не являлась без подарков. Не изменила своей традиции и на сей раз. А вот характер у неё был – глыба. Меня она моментально оценила и несколько раз не удержалась от брезгливой гримаски в мой адрес. Во время одного из дамских перекуров я даже услышал обрывок фразы: «И куда ты смотрела? Тебя в постели с этим уродом не вырвет? На редкость неудачный выбор!».

В незнакомых компаниях я чувствую себя крайне стеснённо, поэтому быстренько сбежал к детям любоваться подарками. А когда вернулся, веселье было в самом разгаре, и мужичок, пусть самый плюгавенький, для танцев-шманцев идеально подходил. Атмосфера и здесь потеплела. «Жиголо» даже готов был устроить стриптиз, но Алевтина поспешила увести его. Я же, улучив момент, когда Ия пойдёт укладывать детей спать, улизнул по-английски, то есть не прощаясь.

Наутро реакция не заставила себя ждать:

– Ну что, трусил? Не думала, что ты окажешься такой заячьей душонкой. Слушай, может, ты импотент? Мне и такие попадались. Но, ручаюсь, нашим отношениям это совершенно не помешает.

– Да нет, просто я подумал – зачем тебе уроды? Может

и вправду рвотный рефлекс сработать.

От неожиданного «момента истины» Ия на какое-то время остоленела.

– Понятно, слышал наш разговор с Алей? Но при чём тут она? Тебе ведь не с ней встречаться. Вот сучка, вечно мне завидует, во всё встречается, лучше бы сама на себя почаще в зеркало гляделась. Ну так что скажешь?

– Нет, – без колебаний ответил я. – Плевать я хотел на твою подругу. Причины две. Во-первых, слишком большая разница в возрасте – практически в полтора раза, мне женщина постарше нужна. Во-вторых, ты уж прости, но для меня ты слишком красива: тебя одевать, холить, лелеять нужно, а это совершенно не мой уровень. Я уже давно всё обдумал: решение окончательное, пересмотру не подлежит.

– А как же дети? Ты им так понравился, – успела вставить Ия прежде, чем я отключился.

– Дети у меня есть свои, как ты знаешь, – ответил я как можно холоднее.

3

Я уже упоминал, что жизнь меня для моего возраста изрядно потрепала. Так что меньше всего на свете мне хотелось снова брать на себя какие-то обязательства: других детей заводить, а ещё того хлеще – чужих себе на шею сажать. Всяческие усыновления, удочерения, на мой взгляд, сплошная пропаганда. Я свой долг перед обществом выполнил, вполне

могу пожить теперь и для себя любимого. А женщин вокруг, страждущих, жаждущих ни к чему не обязывающих случайных связей, – пруд пруди.

Когда-то я считал наших отечественных классиков неисправимыми романтиками, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что большинство из них достаточно трезво смотрело на жизнь. Вот, к примеру, наш суровый Николай Гаврилович Чернышевский, любимый герой которого, революционер Рахметов, на гвоздях спал. Не противоречил ли он себе, когда говорил: «Богатство – вещь, без которой можно жить счастливо. Но благосостояние – вещь, необходимая для счастья». Или: «Право жить и быть счастливым – пустой призрак для человека, не имеющего средств к тому».

Но ещё лучше высказался на эту тему Лев Николаевич Толстой:

«Жениться надо никак не по любви, а непременно с расчётом, только понимая эти слова как раз наоборот тому, как они обыкновенно понимаются, т. е. жениться не по чувственной любви и по расчёту, где и чем жить, а по тому расчёту, насколько вероятно, что будущая жена будет помогать, а не мешать мне жить человеческой жизнью». «Большая часть мужчин требует от своих жён достоинств, которых сами они не стоят».

Убедились теперь, сколько сложностей? Обожаю классиков, всё-таки куда целесообразнее учиться на чужих ошибках, чем на своих собственных. Как вы считаете, к примеру,

самому Льву Николаевичу удалось пожить в семье человеческой жизнью? Разве что в романах, в образах своих героев. И за одно то уже человечество практически два века не устает говорить ему «спасибо».

Ну а ещё, бога ради, не повторяйте мне эту избитую сентенцию о «стакане воды на старости лет». Весьма спорный вопрос, дадут ли вам дожить до неё ваши потенциальные близкие?

4

Я уже спал и поначалу ничего не понял: кто звонит, зачем? «Дядя Вадим, дядя Вадим...» Потом разобрал наконец:

– Дядя Вадим, это я, Рома. Маме очень плохо. Она просила вам позвонить.

Разумеется, можно было сослаться на «скорую помощь», я ведь не врач, чем я реально мог помочь? Но я сознавал, что во всех случаях для начала нужно разобраться в ситуации на месте. К примеру, отвезут маму в стационар, а что с детьми потом будет?

Наскоро оделся, поймал такси.

Первое, что меня поразило, – контраст между тем, что ещё сравнительно недавно было, и тем, что предстало перед моими глазами сейчас. В квартире царили запустение, уныние. Дети тоже особой ухоженностью не отличались, а когда

я увидел саму Ию, к которой меня препроводил Ромчик, меня продрало до кишок. Бледная, худая, мешки под глазами, одета в какое-то тряпье. Сначала я подумал, что моя Незнакомка начала спиваться, однако, пройдя на кухню, не обнаружил там ни пустых бутылок, ни характерной прогорклой закуски. Холодильник вообще был пуст. Я вернулся, растормошил спавшую «Мисс мира и окрестностей»:

– Ты мне звонила? Что случилось?

Ия взглянула на меня с испугом, словно увидела привидение, в полной растерянности.

– Ты что-то путаешь, это была не я. Откуда ты вообще взялся? С работы прислали?

Я оглянулся и посмотрел на Ромчика. Тот смущённо отвёл глаза в сторону. Ясно было, чья инициатива.

– Молодец, правильно сообразил, – поспешил я поддержать малыша. Тот радостно улыбнулся в ответ.

Необходимо было срочно действовать, но я никак не мог решить, чем заняться в первую очередь. Прошёл в детскую. Зика спала. Уже легче.

– Есть хочешь или до утра потерпишь? – спросил я проследовавшего за мной Ромку.

– Потерплю, – ответил тот охотно. – Я лучше посплю.

Ещё одной проблемой меньше. В принципе, впереди у меня было два свободных дня. Успею во всём разобраться.

Ия опять отключилась. Пришлось снова её расталкивать.

– Я не звонила, – вновь со страхом сказала она.

– Я уже понял, – со вздохом ответил я. – Ты умоляла детей не вызывать «скорую помощь», вот Ромка и сориентировался. Что случилось, в двух словах хотя бы можешь объяснить?

Ия долго не решалась ответить, наконец бросилась, как в пропасть:

– Обезболивающие лекарства закончились, вот я и вырубилась. Только встану, сразу шатать начинается. У меня неожиданно нашли опухоль мозга, я даже не знаю, сколько мне осталось жить. И уже нет сил держаться. Но если расшифруюсь, меня положат в стационар, ребят заберут в детский дом, на том всё и закончится. Даже мой врач, нейрохирург, отказался дальше мой диагноз скрывать. Поначалу помогал, рисковал, даже подбадривал, обещал за два месяца на ноги поставить. Но, по-видимому, я растеряла не только деньги, здоровье, но и былую привлекательность.

Да, картина! И всё-таки надо было с чего-то начинать. Лекарства, продукты. Я попросил у Ии ключи от квартиры, узнал, где находится поблизости круглосуточный универсам. Выходило далековато, пришлось вызвать такси по смартфону. Через пару часов холодильник был полностью загружен. Уже неплохо. Я снова разбудил Ию:

– Слушай, может, у тебя остались хоть какие-нибудь рецепты? Я съезжу в ночную аптеку.

Ия махнула рукой в сторону секретера.

– Там посмотри. Что-то должно быть. Обычно их отбирают, когда выдают лекарства. На эти у меня просто денег

не хватило.

Голова моя лихорадочно соображала. Попусту мотаться по городу слишком накладно, целесообразнее было сначала обзвонить аптеки-ночнушки, спросить, есть ли искомое в наличии, и только потом вызывать такси. Ушло ещё три часа, утро вот-вот должно было наступить. Глаза Ии радостно заблестели при виде привезённых мной коробочек: было ясно, что у неё уже выработалась зависимость.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Можно сказать, ты меня с того света вызволил. Проводи до ванной, дальше я сама.

Ну, наблюдать подобные процедуры у меня никакого желания не было, я выполнил просьбу «коллеги» и пошёл на кухню, раздумывая, что бы соорудить поскорее на завтрак. Повар из меня, конечно, никудышный, но овсянку сварить, яичницу с сыром сварганить – вполне реально для холостяка со стажем. Я положил в вазу помытые с мылом яблоки, апельсины, бананы.

Картина преображения была полная. Ия вошла в кухню с вполне осмысленным выражением лица, не шатаясь, в кокетливом халатике, даже немного накрашенная.

– Что с работой? – первым делом поинтересовался я.

– Не потеряла ещё. Пока на больничном. Диагноз пустячный, Яков Арьевич помог.

– Дети? – всё так же коротко продолжил свой допрос я.

– Тоже ни дня не пропустили. Но и в школе, и в садике задолженность, мне уже и записки передавали, и по телефо-

ну из администрации звонили.

– Хорошо, – кивнул я. – Дальше что делать будем?

– Ничего, – со вздохом ответила Ия. – Сдаваться. Все ресурсы исчерпаны, что могла, я перепробовала. Попрошу соседку за ребятами посмотреть и вызову «скорую». Огромное спасибо тебе за помощь. Извини уж, что мы тебя потревожили.

Я помолчал, мучительно соображая.

– А что Алевтина? В курсе?

– Да, немного подбрасывала денег вначале, сейчас тоже считает, что мне нужно срочно лечь в больницу. Яков Арьевич убедил. Всем удобнее побыстрее сплавить меня. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон.

Что я мог сделать? Раз уж лучшая подруга так решила...

– Детей будить не пора?

Ия кивнула:

– Да. Вот только бы не расплакаться. Я ведь их никогда не увижу больше. С ума сойти, как быстро жизнь прошла. Помнишь, как ещё совсем недавно мы смеялись, сидели в кафе-мороженом? Такие счастливые были.

5

Я снова вызвал такси, за всю свою жизнь, наверное, так не шиковал, предпочитая, по понятным причинам, общественный транспорт. Мы развезли ребят, затем я обернулся к Ие.

– Слушай, я хотел бы с твоим хирургом поговорить. Показывай, куда ехать.

Ия пожала плечами, но не стала возражать.

Яков Арьевич оценивающе посмотрел на меня: что, мол, за новый персонаж объявился? Затем со вздохом пробормотал:

– У меня двадцать минут в распоряжении, дальше две операции. Так что поторопитесь. Как вас зовут, кстати?

– Вадим, – представился я.

Мы продолжали сосредоточенно изучать друг друга.

– Ну так я вас внимательно слушаю, Вадим, – нарушил наконец затянувшееся молчание лекарь. – Вы что-то хотели узнать?

– Всё, – столь же лаконично ответил я.

– Хорошо, – согласно кивнул Яков Арьевич. – Всё, что вы можете сделать в данной ситуации, – помочь мне уговорить одну очень упрямую особу строго следовать указаниям врачей. Полагаю, ей при нашем разговоре присутствовать не обязательно. Как вы считаете?

– Согласен, – кивнул я.

Ия недовольно фыркнула, но безропотно удалилась.

Яков Арьевич со скучным видом достал из стола папку с историей болезни.

– Не стану врать, – пошёл он на откровенность, понимая, что пудрить мне мозги бесполезно, – поддался соблазну. Ло-

гично было бы отправить нашу красавицу по привычному конвейеру, но уж больно хороша. Зарежут, как пить дать. Кто она? Ни связей, ни денег. А без таких двух решающих факторов, как вы сами понимаете, никто ею всерьёз заниматься не будет. То есть случай прост как дважды два, – не она первая, не она последняя.

Он нашёл страницу с небольшим снимком и развернул папку в мою сторону.

– Опухоль мозга. Возможно, доброкачественная, возможно, рак. Нужны обследования. Прежде всего проверить все важные органы на метастазы. Как это сделать? Только в больнице. Но в какой больнице? У нас? В Москве? Время идёт. Талончик к врачу в местной онкологии сейчас дают за три недели, когда это было? В прежние времена за такую «человечность» главврача расстреляли бы. А ведь медлить никак нельзя, нужно срочно оформлять инвалидность, хотя бы для того, чтобы получить квоты, право на бесплатные лекарства. И что ваша дама? Вцепилась в своих детей, теряет драгоценное время. Кстати, кто она вам?

– Коллега. Просто коллега, – пожал я плечами. – Мать, отец умерли, подругам, бывшему мужу на неё наплевать. Тривиальная история. В общем-то я всё понял. А что если нам обратиться к платной медицине? Хотя бы для того, чтобы собрать необходимый минимум для анамнеза. В принципе, шансы-то хоть какие-нибудь у неё есть?

– Есть, конечно, – кивнул хирург. – Но только шансы. Всё

та же лотерея.

– И что, совсем ничего нельзя сделать? – спросил я.

Эскулап задумчиво постучал пальцами по столу. Мы уже достаточно познакомились, чтобы понимать друг друга с полуслова.

– Ладно, – кивнул Яков Арьевич. – Давайте так: я подключаю дневной стационар и частную клинику, в которой подрабатываю. Вы берёте на себя детей. По возможности вечера Ия будет проводить дома. Но деньги нужны срочно. Когда соберём все анализы и картина в какой-то степени прояснится, будем дальше решать. Вас так устроит?

– Более чем, – кивнул я. – И сколько конкретно?

Яков написал на листочке сумму. У меня в глазах потемнело, но я не подал виду.

– Это, как вы понимаете, только для начала.

И новый удар я выдержал.

– А ваш гонорар? – на всякий случай решил уточнить я.

– Всё включено.

– Ладно, я согласен.

– Хорошо, тогда оставляйте её здесь, – был ответ. – Домой я её вечером сам привозить буду. Машина у меня не ахти, конечно, но всё лучше, чем ничего.

Я помчался в банк за деньгами.

Счастье, когда у человека бывает хоть какой-то божий дар. «Ия плюс Яков» здорово зацепило старика. Ну, а я

успел посидеть за компьютером, сварганить не очень иску-
сный ужин, забрать детей из школы и садика, даже покормить
их. Ию привезли поздновато, но все необходимые лекарства
теперь у неё были, так что чувствовала она себя вполне сно-
сно. Мы поужинали, погуляли по улице, затем вернулись, уло-
жили детей спать. Когда я собрался уходить, Ия попыталась
уговорить меня остаться. Собственно, я понимал, что не сле-
довало оставлять её одну, всякое могло случиться. Но, что
греха таить, пришлось бы спать с ней, а секс с такой доходя-
гой... Любителем острых ощущений я никогда не был.

– Не переживай, в случае чего позвонишь. А утром я буду
как штык, можешь не сомневаться.

6

Колесо закрутилось. Я договорился с одной из соседок Ии,
чтобы она подменяла меня с детьми во время моих дежурств
на работе. Та согласилась без колебаний: деньги всем нужны.

Наконец обследования практически полностью были
пройденны, но картина мало прояснилась. Мы снова закры-
лись с Яковом Арьевичем в его кабинете для серьёзного раз-
говора.

– Надо ехать в Москву, – сказал он после долгого разду-
мья. – Я сам с ней отправлюсь на машине. Все необходимые
документы я взял, если найдётся подходящий вариант, вы-
бьем квоту, кое-какие связи у меня, слава богу, в столице на-
шей родины сохранились. Ну, а там останется только на Бо-

га уповать, без операции никак не обойтись. Даже для того, чтобы взять пробу на биопсию, всё равно придётся черепную коробку сверлить. И какой смысл? Лучше сразу совместить этот процесс с операцией. Но без денег опять ничего не получится. Обследование, по сути, придётся проводить заново. Нужно другое, более совершенное оборудование. У нас такого нет и в помине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.